

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Ордена дружбы народов Институт мировой литературы
им.А.М.Горького

Р 11 ОД

19 000 1996

На правах рукописи

Сатимов Умирбек

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛИШЕРА НАВОИ
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Специальность:

10.01.03 - Литературы стран нового Зарубежья
10.01.05 - Литературы народов Европы, Америки
и Австралии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА - 1996

Работа выполнена на кафедрах немецкого языка,
узбекской литературы и зарубежной литературы
УРГЕНЧСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА им. Аль-Хорезми.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Республики Узбекистан

КОРОГЛЫ Х.Г.
ПАВЛОВА Н.С.

ХАЙИТМЕТОВ А.Х.

Ведущая организация: Музей литературы им. Алишера Навои
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Защита состоится: " 3 " VII 1996 г.
в _____ часов на заседании диссертационного совета Д. 002. 44. 02 по
филологическим наукам при институте мировой литературы им. А.М. ГОРЬКОГО
РАН по адресу:
121069, Москва, ул. Поварская 25-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Автореферат разослан " 30 " мая 1996 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д. 002. 44. 02
по филологическим наукам,
доктор филологических наук: -

Н.Н. ВОРОБЬЕВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

I. Актуальность исследования. В развитии культурных взаимоотношений Западной Европы со Средней Азией поистине значительную роль сыграл Эмир Нисамеддин Алишер Навои, сочинения которого издавна публиковались и переводились в странах Европы, около ста экземпляров рукописей трех десятков произведений которого накопились в библиотеках Западной Европы, способствуя возможным гуманитарным исканиям в различных сферах культурной жизни Германии, Франции, Англии, Италии, Австрии и т.д. Следовательно, изучение творческого наследия этого великого классика, привлекавшего внимание многочисленных исследователей и литераторов этих стран на протяжении почти четырех с половиной веков, объективно обеспечило формирование своеобразного навоиведения на этом континенте мира.

Однако, эволюция этого широкого исторического процесса, которая характеризуется долгими и бурными спорами, никогда еще целиком не рассматривалось с достаточной обстоятельностью и глубиной даже не смотря на то, что интерес западноевропейских специалистов к Навои постепенно расширяется и в научный оборот вводятся новые темы исследования. К тому же, чрезвычайная отрывочность сведений об этом весомом материале вообще, а так же об опыте и освещении аналитических подходов его изучения постоянно указывают на отсутствие специальных обобщающих монографических работ, что и обусловило выбор темы данного диссертационного исследования.

II. Основная цель и задача работы - предельно полно изучить более четырехвековую историю обсуждаемой проблемы, по возможности обобщить фактический материал, который в последствии позволит проследить восприятие в Западной Европе творчества Навои, создать целостное научное представление об этом; проанализировать конкретную динамику становления навоиведения на этом континенте и наметить его контуры; дать критический анализ заключений и подходов западноевропейских учёных о значении и месте творчества Навои, определяя при этом соответствие различных воззрений объективной исторической правде; дать аналитическое толкование факторов, положительно и отрицательно воздействующих на более широкую популяризацию узбекского

В нем: Западной Европе; хронологически обобщить издания подлинников и переводов произведений Навои на западноевропейские языки и проанализировать в этом процессе качество переводов на немецкий язык.

III. Методологической основой диссертации послужили фундаментальные принципы, отраженные в теоретических трудах видных русских, отечественных, зарубежных литературоведов и востоковедов.

Исследование жизни и творчества Навои зарубежными учёными естественно имеет разную степень объективности. Лишь наличие должной методологии, соответствующей предмету исследования, может обеспечить правильное пояснение сути изучения конкретного опыта и подходов в разные исторические периоды. Поэтому в реализации намеченных задач автором диссертации использован историко-сравнительный метод, что диктовалось спецификой избранной темы.

IV. Степень изученности и научная новизна работы: К исследуемой теме частично выразили своё отношение знаменитые русские (И.Н.Березин, М.Никитский, А.Крымский, В.В.Вартольд, А.А.Семенов, Е.Э.Бертельс, Л.Климович), западноевропейские (Х.М.Элиот, А.Курелла), азербайджанские и турецкие (С.А.Мамедова, А.И.Агаев, Л.А.Алиева, А.С.Левенд) ученые. Но в их трудах она была в той или иной степени полемицирована, что объясняется причинами разного порядка постановки вопросов и проблем.

Проблема отношения западноевропейских исследователей и почитателей к Навои интересовала и некоторых узбекских навоиведов (О.Шарафиддинов, В.Захидов, Г.Каримов, Л.Какюмов, Г.Саломов, К.Жураев, С.Олимов, Э.Саттарова, С.Хасанов, Н.Отжаманов, Ш.Каримов). Однако в их трудах встречаются лишь отдельные фактографические материалы, научные обобщения, взятые разрозненно и повторно в основном из русских источников, поскольку эти авторы не ставили перед собой задачу дать общую оценку изучения и интерпретации Навои в Западной Европе.

Следует отметить, что к арельным трудам узбекских литературоведов в этой области относится докторская диссертация М.Н.Холбекова ("Узбеко-французские литературные взаимосвязи", Ташкент, 1991) и его отдельные статьи. В его работах более широко освещаются вопросы связи творчества Навои с французской литературой и в соответствии со своей темой они также не претендуют на специальное изучение исто-

рии истории исследования Навои в Западной Европе. Следовательно

научная новизна данного исследования связана с его материалами и проблемным экскурсом, где на основе научно-критического и историко-литературного анализа широкого круга источников и литературы впервые комплексно изучаются исследования жизни и творчества Навои в Западной Европе.

V. Теоретическое и практическое значение диссертационной работы

заключается в том, что она может быть использована при дальнейшем изучении истории узбекско-европейских литературных контактов. Приведённые в ней редчайшие сведения, подчерпнутые из западноевропейских источников, сделанные выводы и обобщения могут позволить заполнить в дальнейшем некоторые пробелы в узбекском назоведении.

Содержание исследования может быть частично использовано при чтении лекций и проведение практических занятий на филологических факультетах в высших учебных заведениях по курсам "История узбекской литературы", "Теория и практика перевода", при чтении специальных курсов по культурным связям Востока и Запада, при написании специальных учебников и учебных пособий по истории узбекской литературы. Приведённые в работе источники могут быть использованы и при составлении соответствующих библиографических указателей литературы о Навои.

VI. Апробация диссертации : работа обсуждена на совместном заседании кафедр немецкого, английского языков и зарубежной литературы, а также на заседании кафедры узбекской литературы Ургенчского Государственного университета им.Аль-Хореэми и рекомендована к защите. Тема диссертации была включена в научно-исследовательский план Ургенчского Госуниверситета им.Аль-Хореэми.

По основным выводам работы диссертант с 1980 по 1995 годы регулярно выступал с докладами на традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Хореэмского Госпединститута им.В.И.Ленина и Ургенчского Государственного университета им.Аль-Хореэми, на конференциях слушателей ФПК Ташкентского Госуниверситета языков мира и на республиканских научно-практических конференциях. Материалы диссертации были применены при чтении курса лекций по предмету "История мировой литературы" на отделениях не-

мецкого, английского языков факультета мировых языков и на факультете узбекского языка УрГУ им.Аль-Хореэми.

Основные положения диссертации были изложены в монографии объемом в 8 п.л., в ряде научных статей автора в журналах ("Узбеки ва адабиёти", "Адабий мерос", "Сан ва турмуш", "Тулистон", "Ёшлик") и в выпущенных на русском языке сборниках ("Международные отношения и литературные связи", "Взаимовлияние и преемственность литератур") и в тезисах научно-теоретических конференций.

Монография автора получила положительную оценку в периодической печати Узбекистана (газ. "Хорезмская правда", 4 февраля 1995 года; газ. "Хоразм ханикати", 19 апреля 1995 года; газ. "Шонли меҳнат", 31 марта 1995 года), Туркменистана (газ. "Дустлик байроги", 17 июня 1995 года), Каракалпакистана (газ. "Аму тонги", 17 апреля 1995 года).

VII. Источниками исследования стали публикации, хранящиеся в государственных библиотеках гг. Москвы, Ленинграда, Ташкента, библиотеке ИНИОН (г.Москва). Основная часть материала из этих уникальных и впервые вводимых в научный оборот источников была собрана автором во время пребывания в Германии (1978г.) с целью научной стажировки, это означает, что данная работа написана в основном на материалах, опубликованных на немецком языке.

Огромное значение для разработки нашей темы имели работы русских (М.Никитский, Е.В.Бартольд, Е.И.Бертельс, А.А.Семёнов) востоковедов, а также ряда азербайджанских и немецких специалистов, где речь шла об опубликованных на английском, французском, испанском, итальянском языках источниках.

Кроме того, предприятие в диссертации исследования основных проблем было бы, естественно, невозможно без публикаций западноевропейских исследований в узбекской периодике, также без публикаций самих узбекских специалистов, имена которых были перечислены выше.

VIII. Структура и объем диссертации : реферируемая работа состоит из введения, трёх глав и заключения. Объем диссертации 325 страниц машинописи, куда входит список, включающий 345 библиографических единиц.

IX. Основное содержание работы.

Глава I - "Эмир Низамеддин Алишер Навои в литературе и востоковедении Западной Европы XVI- XIX вв." состоит из четырех разделов

В первом разделе ("К истории знакомства Западной Европы с Нави в начальном этапе"), опираясь на труды С.П.Толстова, И.С.Бражского, В.В.Бартольда, И.Хаммера, П.Хулча, Х.Л.Готт-Шальна, де Клавико, Б.Брентиеса, М.М.Хайруллаева, М.Н.Холбекова, диосег предпринял попытку классифицировать исторические периоды культурных связей Запад-Восток.

Подчеркивается, что в специальных исследованиях (Мухтаров Ш. сидско-таджикская классическая литература во Франции, АДД, 389; Алиева Л.А. Фузули в англоязычном литературоведении, Баку, 1984г; Мустафаева Ф.Д. Азербайджанский фольклор на немецком языке, АКД, Баку, 1981г; Агаев А.И. Низами и немецкая литература, АКД, Баку, 1977г; Мамедова С.А. Из истории изучения азербайджанской поэзии XIV-XVI вв. в западноевропейском востоковедении, АКД, Баку, 2г; Галибова Р.А. Азербайджанская литература в трудах английских ученых, АКД, Баку, 1949г) главенствует вывод - знакомство Западной Европы через переводы с художественными ценностями Востока ходят на XVII век и началось оно прежде всего переводами творчества Низами и Саади. Но изученные нами источники (Григорьев Е.Э. Навои, Москва, 1948г) показывают, что приходится идти на XVI век и началось прежде всего с переводов поэм "Сабъи-и-нави" Алишера Навои и "Хамт бикишт" Хосрова Дехлеви.

Таким образом, в этом разделе обнаруживается, что Христоф Арно систематизировал отдельные произведения Дехлеви и Навои и предложил их европейским читателям в виде отдельной книги ("Познание трех юных сыновей царя Серендипа, переложенное трудами Христофа Арно с персидского на итальянский язык", издав в 1557 году в Венеции. Наванное произведение на том же языке издавалось в 1584, 1611, 1622, 1628 годах, издавалась она в переводе на французский язык в 1719-м, в 1766-м - на голландский. Кроме того в 1583 первая часть этой книги в переводе Йоханна Ветцеля на немецкий язык была выпущена в Базеле, затем она трижды печаталась в Липсиге в 1599-м, 1630-м, а так же в 1723 годах. Таким образом, эта поэма в течение 209 лет издавалась одиннадцать раз: в XVI веке четыре раза, в XVII-м столько же и трижды в XVIII веке. (Бертельс, 1948, С.78-79).

Появление этого произведения, с сочным восточным колоритом, на Западе в XVI веке, его долгая и широкая известность в литературной среде Европы привлекло внимание многих западноевропейских исследователей, труды которых подробно анализируются в данной главе.

В частности, первым этой книге посвятил специальное исследование ("Старинный христианско-персидский роман-Путешествие трёх сыновей царя Серендипа", 1866) немецкий востоковед Т.Бенфей.

Анализ его труда свидетельствует, что задавшись целью исследовать какими источниками пользовались при переводе Христофор, Бенфей придерживается следующей точки зрения: он заключил, что первая часть перевода Христофора сделана на основе поэмы Хосрова Дехлеви "Хашт бихишт", вторая же часть на основе поэмы Ниами "Хафт пайкар". Как заявляет исследователь, существовал ещё один персидский источник, который преподносит эту легенду даже лучше, чем Ниами и, наверное, вторая часть книги Христофора позаимствована оттуда (С.268).

Казалось, что Христофор сглавив своё произведение внёс ясность, что оно "переложено с персидского на итальянский язык" (то есть *della Persiana nell' Italiana lingua trasportato*, С.287). Это естественно не позволило Бенфею предположить, что произведение такого характера можно создать кроме персидского языка и на языке староузбекском.

После Бенфея в серии "Материалы для семинарии восточных языков и литератур в Берлине" (1902, С.198-221) была издана (без подписи автора) статья на немецком языке "История трёх сыновей царя Дейлона". Но, как выявлено диссертантом, в ней так же напрасным было стремление исследователя найти содержание второй части перевода Христофора в поэмах Ниами и Дехлеви.

Да и после этого другие немецкие ученые (Франкель, Болте, Гамман) продолжали диспут по поводу уточнения источников перевода Христофора. Тщательное изучение их опыта показало, что они, как Бенфей, не смогли выяснить, чьё же произведение послужило основой для второй части книги Христофора. Все они на первый план выдвигали мысли о том, якобы обе части книги Христофора сотканы с использованием многих письменных и устных восточных источников и на основе и синтеза Христофором создано нечто наподобие гибрида.

Спустя более 70 лет вновь начала дискуссия на эту тему немецкий востоковед М.Пантке, посвятившая этой проблеме специальную диссертационную работу ("Арабский роман о Вахрме. К поиску источников и исторических материалов", 1974).

М.Пантке, поставив перед собой задачу отыскать источники послужившие основой для перевода Христофора, сопоставила его с сказками "Тысячи и одной ночи", арабскими легендами, историческими книгами ат-Табири, аль-Маъсуди, Фирдоуси, а так же произведениям

Нигами и Дехлеви. Она подверглась критическому анализу и научный поиск в этом направлении своих предшественников.

Однако изучение опытов и подходов М.Пантке показывают, что и она не смогла отыскать истину, стремясь обосновать всё на анализе версии, что, первая - быть может, на Западе было одно целое оригинальное произведение, послужившее основой перевода Христофора; второе - данное произведение как "образец европейской литературы, одухотворенный восточными источниками" возможно принадлежит к собственным творениям Христофора; третье - либо основой перевода послужило некая книга, которая позаимствована из персидских, индийских, арабских легенд и преданий; четвертое - корнями, питавшими книгу Христофора, служило, быть может, содержание единственного текста составленного из двух отдельных произведений; пятое - поскольку вторая книга Христофора в корне отличается от поэмы Нигами и Дехлеви, значит, не исключено, что Христофор обращался к другим поэтам, которых подражание Нигами писали "Хамсе" (с.206-207).

Выяснилось, что М.Пантке, наряду с другими, не владела старым узбекским языком, и это затрудняло ее работу в поисках источников, где была "скрыта" поэма Навои "Сабъи сайер".

Сравнительное изучение работ, посвященных данной проблеме, показывает, что еще за четверть века до появления анализируемого труда М.Пантке эту задачу решил известный русский востоковед Е.Э.Бертельс, который научно обосновал, что вторая часть книги Христофора позаимствована из поэмы Навои, что было, к сожалению, неизвестно М.Пантке (Бертельс, 1948, с.78-81).

Кроме специального исследования Бенфей так же перевел книгу Христофора на немецкий язык. Однако перевод ("Путешествие трех сыновей царя Серендипа", 1932) был издан лишь после его кончины.

Сопоставление перевода Бенфея с поэмой "Сабъи сайер" Навои свидетельствует о том, что он в нем опустил духовное начало, восхваления, жалобы на судьбу, вознесение на небо, а так же содер-

жавшиеся в поэме части, посвященные Джами, Нигами, Дехлеви, Хусейну Баркаро и госпоже Ходиче, историю написания данной поэмы и некоторые другие части. Перевод Бенфея начинается с любовных походов Бахрома. В переводе нет описаний эпизодов, содержащихся в поэме Навои и связанных с личностью Бахрома, положением его в качестве царя, знакомство с художником Маони, свидание по его рекомендации с Диларом, как любовь царя к праздной жизни приводит страну к упадку. Изложение сразу же начинается с разлуки Диларом, его мук. Однако

согласно немецкому переводу, выздоровление Бахрома обеспечили, как у Навои, не советы врачей, а советы трех юных сыновей, их предприимчивость и способность. Итак, рассказы семи странников о семи дворцах также были осуществлены благодаря инициативе принца Серендипа. Последующие события в переводе полностью соответствуют подробностям Навои. Тема рассказа первого странника, как и в "Сабъ-аи сайёр" Навои - это щедрость, верность, честность и добросовестность, преданность друг другу. Вывод, вытекающий из рассказа второго странника - это осуждение таких вредных качеств придворных вельмож, как плутовство, иамена, зависть. Смысл рассказа третьего странника - возвышение храбрости, мужества, сердечности. Рассказ четвертого же путника посвящен возвышению справедливости, осуждению насилия. Пятый путник посвятил свой рассказ тому, что надобно вести дело с умом и предусмотрительно. Шестой странник высказывает мысль о том, к какому несчастью приводит клевета, фальш и обман. Рассказ последнего, седьмого странника, как и в узбекском тексте, состоит из приключений Диларом.

Анализ перевода Т.Бенфея ещё раз подтверждает объективность заключения Е.Э.Бертельса о том, что вторая часть книги Христофора заимствована из поэм "Сабъаи сайёр" Навои. Вернее основу второй части книги Христофора, как свидетельствует перевод Т.Бенфея, составляет любовная история Бахрома Навои. Однако читатели Западной Европы до сих пор не осведомлены об этом. Но страден тот факт, что "Сабъаи сайёр" Навои веками являлся их любимым произведением.

Исследуя вопросы знакомства Западной Европы с Навои на начальном этапе, автор диссертации установил, что в узбекском навоиведении существуют весьма противоречивые суждения по данной проблеме. В связи с чем диссертант внес ясность по многим искаженным историко-хронологическим аспектам проблем, которые широко распространены в исследованиях узбекских навоиведов (Г.Каримова, Г.Саломова, К.Жураева, С.Олимова, С.Хасанова, З.Саттаровой).

Во втором разделе первой главы ("Начало процесса сбора, издания рукописей произведений Навои и появление первых письменных сведений о нём в Западной Европе"), обобщая материалы XVII-XVIII веков, автором диссертации установлено, что история распространения рукописей произведений Навои в Западной Европе началось в первой половине XVIII века. То есть в 1625 году (спустя 114 лет после кончины поэта) в библиотеку Воддея Оксфордского университета в Англии

попала первая рукопись его произведений - "Диван избранных стихов". Во второй половине XVII века в кругу учёных Запада были известны и следующие рукописи произведений Навои "Гарайиб ус-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Бадаъе ул-васат", "Фавайид ул-кибар", ""Фархад и Ширин", "Лейли и Межнун", "Сабъаи сайёр", "Садди Искандари".

При тщательном анализе источников автору удалось определить, что хранящиеся в Западной Европе рукописные произведения Навои в подавляющем большинстве были доставлены в Германию, Австрию, Францию и Англию именно в тот период известными западноевропейскими путешественниками (XVI-XVIII веков) А.Олеариусом, Э.Кемпфером, С.Готтлибом, Ж.Твернье, Ж.Шарденом, Р.Герсея, А.Шениксоном, А.Мюллером, Х.Менцелем, Б.Вольтером, Х.Ройтером, П.Флейфингом, И.Бехером, Андерсоном, Шалигером.

Ознакомление с историей распространения рукописей произведений Навои в Западной Европе подтверждает, что оно не носило стихийного характера, а было начато с определённой просветительской целью. Как свидетельствуют источники, среди книг Жана Жака Руссо (1712-1778) имелись рукописи произведений Навои. Дело в том, что Руссо, завоевавший популярность в Западной Европе благодаря своим педагогическим трактатам, этико-просветительским произведениям, естественно извлекал что-то для себя и из восточной дидактики, что видно из содержащихся в его произведениях набора дидактического учения.

Рассмотрение мотива появления первых письменных сведений о Навои в Западной Европе позволяет говорить о том, что накопленный в библиотеках Западной Европы богатейший достоверный материал об истории культуры народов Востока требовал исследования с исчерпывающими сведениями и разъяснениями по данной теме. Изданный два года

спустя после смерти французского востоковеда Бартеlemi д'Эрбеде де Моленвиля (1625-1695) "Восточная библиотека - энциклопедический свод сведений, извлечённых из рукописей исторических сочинений мусульманских авторов" (1697) как раз и являлся одной из попыток удовлетворить этот спрос.

На основе конкретных примеров автором доказывается, что историческое значение приведённых в этом энциклопедическом издании сведений о Навои состоит в том, что в Западной Европе до него не было ни одного письменного источника, знакомящего массы с ним. Д'Эрбеде первым познакомил западноевропейцев с Навои в качестве поэта, пишущего на турецком и персидском языках. Он первым донес до Западной

Европы сведения о его положении в государственных делах, высоком профессиональном уровне как поэта, широте знаний как учёного, летописи его жизни, перечислил названия его произведений, назвал псевдоним, рассказал о его взаимоотношениях с Хусейном Байкаро и Хандемиром, о популярности в стране.

В труде д'Эрбело о Навои есть две статьи. Первая озаглавлена "Али-Шир" и в ней даны сведения, относящиеся к биографии поэта, во второй статье, озаглавленной "Навои", приведены данные о творческом пути поэта (С.99, С.661). В работе делается особый акцент на то, что д'Эрбело при обобщении материалов о Навои непосредственно опирался на рукописи произведений поэта "Фархад и Ширин", "Лейли и Межнун", "Сабъаи сайёр", "Садди Искандари", "Тарайиб ус-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Бада'и тул-васат", "Фаваид ул-кибар".

На основе подробного анализа автором диссертации установлено, что д'Эрбело своими статьями о Навои подготовил соответствующую почву для зарождения Западной Европе навоиведения. В частности, примером подтверждающим это, могут служить наиболее полная по словам М.Никитского ("Эмир Нигам-ед-дин Мир-Али-Шир в государственном и литературном его значении", СПб, 1856, С.4) "Хорошо составленная биография поэта", принадлежащая перу другого французского востоковеда барона Сильвестра де Саси. Он "подробно описал жизнь и деятельность поэта" (Холбеков, 1991, С.13), выял на себя труд исправить ошибки д'Эрбело.

Характеризуя работы С.де Саси ("Описания и заметки рукописей библиотеки Рой" (1790) и "Воспоминания о прошлом Ирана" (1793) диссертант отмечает, что он, полностью пользуясь работами мемуаристов Давлет шаха и Сом Мирзо (Шарафиддинов О. Навои, 1976, С.47), первым начал в западноевропейской науке изучения жизненной и творческой биографии Навои на научной основе, критически относясь к поискам предшественников (Саси, 1790г.С.246-290; 1793 г.С.XIV; Никитский, 1856 С.4-5) и тем самым подготовил соответствующую почву для ознакомления с историческим обликом Навои в Западной Европе (Холбеков, 1991, С.13-14)

Подытоживая свои наблюдения, он первым в Западной Европе сделал наиболее объективные выводы о Навои и дал ему следующую оценку: "Великий политический деятель и именитый поэт Али-Шир достоин заниматься в истории литературы Востока самое высочайшее место" (Шарафиддинов, 1976, С.47).

Дальнейшие рассуждения диссертанта связаны с определением

первоначальных изданий Навои в Западной Европе. В этом отношении в науке констатируется факт, что начало издания произведений Навои в Западной Европе приходится на XIX век (Берегин. "Описание турецко-татарских рукописей", 1847, ч. IV, отд. III); Никитский, 1856, С. 2; Бертельс, 1948, С. 781; Шарафиддинов, 1976, С. 51; Холбеков, 1991, С. 13).

Однако тщательные поиски автора показали, что первоначальное издание произведений поэта на этом континенте было осуществлено еще в XVIII веке. Доказательством данного утверждения может служить издание в 1782 году в Австрии на основе экземпляра турецкого перевода (хранящийся в Вене) сочинения Навои "Тарихи мулуки Ажам" (Вена, 1782).

Далее, исследуя истоки славы Навои в Западной Европе XVIII века, диссертант пришел к мнению, что она во многих случаях была связана с именем востоковеда А. Маестрихта, который в течение 13 лет издавал на немецком языке книгу д'Эрбело четыре раза (1776; 1777-1779; 1781-1783; 1785-1789) под названием "Восточная библиотека или универсальная книга д'Эрбело".

Сравнительное изучение перевода А. Маестрихта со статьями д'Эрбело показало, что он во всех немецких изданиях приводит французский текст без каких-либо изменений.

В третьем разделе - "Эволюция процесса популярности среди научных кругов Западной Европы и немецкое востоковедение" -

представлены анализы трудов видных ученых: Хаммера, Дж. Лейдена, В. Эрскина, Р. М. Кальдекота, С. Г. Оусли, А. Кайзера, А. Ремюза, А. Крафта, Э. Катремера, С. Давидо и др. В работе подчеркивается, что благодаря их труду в первой половине XIX века было достигнуто наиболее полное осведомление жизненной и творческой биографии Навои в науке Западной Европы. Это в первую очередь касается статьи "Мир-Али-Шир", написанной крупным немецким востоковедом бароном Иоганном фон Хаммер-Пургшталом (1774-1856). В данной статье, появившейся на свет в связи с написанием истории персидской литературы, Навои фигурирует в качестве представителя литературы Ирана. Автор, основываясь на мемуарах Давлетшаха "Такират уш-шуаро" и Сом Мирзо "Тухфай Соми" обстоятельно освещает государственную деятельность поэта, рассказывает о его стараниях в роли строителя и благоустроителя, творческом положении, научно-просвети-

тельской деятельности.

Статья Хаммера, которая помещена в его книге "История изящного речевого искусства Ирана" (1818), конечно, не является оригинальным произведением. В целом, из приведённых в ней имен двухсот поэтов 150 позаимствованы у Давлетшаха и 50 - у Сом Мирзо. То есть, упорядочив биографии восточных авторов в хронологическом плане, Хаммер взял у Давлетшаха данные о биографии Навои, а у Сом Мирзо - сведения, касающиеся его творчества. Изученные диссертантом труды Э.Гибба, Х.Х.Шаедера, С.Ценкера, М.Никитского, Х.Арасли, также подтверждают, что данная книга Хаммера не что иное как перевод летописей восточных авторов.

Вне сомнения, статья Хаммера дала возможность европейцам шире ознакомиться с образцами творчества Навои. Признавая Навои великим, вечно живущим на Востоке поэтом, он приводит в ней сведения о его следующих произведениях: "Хайрат ул-абрар", "Фархад и Ширин", "Лайли и Межнун", "Саъйи сайёр", "Садди Искандари", "Гарайиб ус-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Бада'е ул-васат", "Фавайид ул-кибар", "Лисан ут-тайр", "Чигил хадис", "Тарихи мулики Ажам", "Махбуб ул-кулуб", "Мезан ул-авган".

Наблюдения показали, что Хаммер первым в Европе назвал Навои поэтом-подражателем. Естественно, такой подход, т.е. отнесение Навои к числу пассивных подражателей персидского поэта Араки, отрицательно сказалось на процессе его изучения и популяризации в Западной Европе в дальнейшем.

Становление западноевропейской тюркологии имело принципиальное значение и для развития западноевропейского навоиведения. Следует отметить, что учёные первой половины XIX века А.Ремюза ("Исследования различных взглядов на литературу и грамматику татарского языка и монголо-маньчжурскую литературу и грамматику", 1820), А.Л.Давидо ("Первые этапы развития грамматики тюркских языков и литературы восточных народностей", 1832), С.Давидо ("Тюркская грамматика, 1836") убедительно доказали в своих трудах научно-практическую значимость староузбекского языка на примере творчества Навои.

В этой связи, останавливаясь на анализе трудов Э.Катремера, автор подчёркивает, что этот французский тюрколог в истории западноевропейского навоиведения считается родоначальником издателей

1.Статья де Эрбело была опубликована и на узбекском языке (см.: сб. Адабий мерос, 1987, 1(39), С.54-55).

подлинников произведений поэта. В раздел "Произведения Эмир-Алишера Навои" его труда "Хрестоматия восточно-туркской литературы" (1841) включены два научных произведения Навои: "Мухакамат ул-дугатайин" и "Тарихи мулуки Ажам". Издание Э.Катремера несомненно облегчило проникновение в востоковедение Запада научного наследия Навои, которое не использовалось ещё в качестве достоверного источника.

Обстоятельно анализируя оценки немецкого ориенталиста А.Крафта из его книги "Арабские, персидские и туркские рукописи, хранящиеся в Кайзерско-королевской Академии в Вене", (1842), диссертант устанавливает, что он, уделив серьёзное внимание изучению связей Навои с персидской и турецкой литературой, выдвинул на повестку дня вопрос об изучении в порядке родословной туркских литератур.

Однако, стало известно, что он, хотя и высоко возвысил личность Навои в качестве учёного и государственного деятеля, но его некоторые фактические данные не совпадают с действительностью. (С.91).

Наблюдения диссертанта показывают, что в процессе всевозрастающего интереса к Навои в Европе XIX особое место занимают переведённые в 1826 году Лейденом-Эрскиным на английский, в 1828 году А.Крайзером на немецкий, в 1844 году Р.Кальдекотом и в 1871 году П.Куртайлом на французский языки "Мемуары" Захириддина Мухаммеда Бабура. Исторические данные, приведённые в "Бабурнаме" внесли огромный вклад в массовую популяризацию Навои в Западной Европе. Благодаря им, народы Западной Европы получили исчерпывающие сведения о поэте, о его историческом облике. Например, во-первых, о том, что Навои оставил на узбекском языке самое крупное и самое насыщенное гуманитарными идеями наследие. Во-вторых, о том, что Навои покровительствовал людям науки, искусства и литературы. В-третьих, о том, как заботился он о процветании страны. В-четвёртых, о том, что язык сочинений Навои соответствует считавшейся тогда основной ветвью узбекского языка - андижанскому диалекту. В-пятых, о стиле письма Навои, жанрах его произведений, количестве и наименованиях, порядке стихосложения, двуячичи в поэзии. В-шестых, об отношении Навои к музыке. В-седьмых, о том, что известные деятели искусства испытали на себе влияние Навои как воспитателя. В-восьмых, о семейном положении Навои. В-девятых, о его роли в государственных делах. В-десятых, о том, что Навои был состоятельной личностью. В-одиннадцатых, о близких отношениях Навои с шахом Хусейном Байкаро. В-двенадцатых, о каллиграфии произведений Навои. В-тринадцатых, о пребывании Навои

в Самарканде и его жизни там. В-четырнадцатых, об уважительном отношении к Навои в Хорасане. В-пятнадцатых, о частных и общественных постройках, возведённые на личные средства Навои.

Однако, нельзя забывать, что на просторах Западной Европы в пропаганде Навои как творца-подражателя вторым решающим фактором (вслед за Хаммером) стала книга "Бабурنامه". В исследовании установлено, что его западноевропейские переводчики, из-за непонимания контекста Бабура, порой выдвигали на первый план такое чуждое науке утверждение, будто: "Навои-подражатель". Так, например, Лейден и Эрскин, перепутав смысл терминов "жавобия" (ответ) и "вазн" (метрика), трактуют их как "подражание". А по сведениям Бабура, "Навои создал шесть книг месневи (двустийши): пять из них в виде ответов "Хамсе", а одна - "Лисан ут-таир" в метрике "Мантик ут-таир"(Аттара - У.С.). Однако в переводе Лейдена-Эскина читаем о том, что "Хамсе" написана в подражание "Пятерице", а "Лисан ут-таир" подражает "Мантик ут-таир". Отсюда делается вывод, якобы Навои - подражатель (Отажанов Н. Энг фикри Ҷукир. В жн.: Ёшлик, 1988, N 2, С.64).

Такие данные содержатся и в немецком варианте "Бабурنامه".

Проанализированный автором материал говорит ещё о другом благоприятном условии для привлечения внимания на Западе этого периода к творчеству Навои, которое было обеспечено сочинением Давлатшаха бин Алауддавла Самарканди (1435/36 - 1495) "Тазкират уш-шуаро", где страницы 368-377 занимают исторические данные о нём.

Антология Давлатшаха была издана в 1819 году во Франции, Англии, Германии и Голландии.

Из анализа материала следует, что чрезвычайно популярными сочинениями среди западноевропейских учёных были "Бахаристан" Джами, "Рисале" Хусейна Байкаро, "Рагаат ус-сафо" Мирханда, "Хабиб ус-сияр" и "Хуласат ул-ахбар" Хандемира, "Тухфат Соми" Сом Мирзо, которые оказали большое влияние популяризации Навои в Западной Европе XIX века.

Собранное в культурных центрах Западной Европы весомое духовно-культурное наследие Востока естественно поставило на повестку дня необходимость его описания и составления соответствующих каталогов. Зачинателем подобного труда явились немецкие востоковеды А.Крафт, Г.Флогель, В.Перц, английский учёный Ч.Рёе, позднее французский описатель Э.Блоше и др.

Включение произведений поэта в эти каталоги также создали благоприятную возможность научному изучению и более широкой популяри-

ации Навои в Западной Европе.

Изучение каталогов дало автору, в свою очередь, возможность оставить списки произведений Навои, хранящихся в библиотеках Западной Европы. В частности, в библиотеке Венского дворца: рукопись под номером 305 - "Избранный сборник стихов"; рукопись под номером 48 - поэма "Саъбаи сайёр", озаглавленная "Бахром и Диларом"; рукопись под номером 774 - газели и душтишья; рукопись под номером 972 - перевод на турецкий язык "Тарихи мулуки Ажам" (под названием "Та-лихи фанан"); рукопись под номером 1209 - переписанная в 1497 году "Мажалис ун-нафаис"; рукопись под номером 2005 - в этой антологии, наряду с поэтами, написавшими на персидском и турецком языках, приведены образцы газелей Навои; рукописи под номерами 91, 92 - "Китаб ул-лугат фи лисани чигатай", составленные на основе произведений Навои (словарь); рукопись под номером 776 - образцы из разных поэтических произведений Навои; рукопись под номером 778 - "Сборник избранных стихотворений". В Венской Королевской Академии под номером 28 ещё одна рукопись - "Чигатайский словарь" произведений Навои.

Список рукописей произведений Навои, хранящихся в Британском музее: "Мажалис ун-нафаис", рукопись переложённая на персидский язык Бахри Султанбеком Амири. В источнике не указан инвентарный номер, не известен год перевода; "Мажалис ун-нафаис", рукопись переписанная в 987/1579 году, инвентарный номер не указан; "Мажалис ун-нафаис" год переписания рукописи и инвентарный номер не указаны; "Махбуб ул-кулуб", рукопись переписана в 1640 году, инвентарный номер не указан; "Насаим ул-мухаббат мин шамаим ул-футувват", рукопись переписана в XVII веке, инвентарный номер не указан; "Хамсе", пять полных поэм, рукопись переписана в 1221/1806-1807 году, инвентарный номер не указан; "Хайрат ул-абрар", рукопись переписана в Исфахане в 1006/1598 году, украшена тремя миниатюрами, инвентарный номер не указан; поэма "Фархад и Ширин", рукопись переписана в XVI веке, инвентарный номер не указан; сборник стихотворений "Тарайиб ус-сигар", рукопись в двух экземплярах, один из них переписан в 897/1482 году при жизни Навои, инвентарный номер не указан; сборник стихотворений "Навадир уш-шабаб", рукопись переписана в 1041/1632 году, инвентарный номер не указан; сборник стихотворений "Тарайиб ус-сигар", рукопись переписана в XVI веке, инвентарный номер не указан; сборник стихотворений "Тарайиб ус-сигар", рукопись переписана в XVII веке, инвентарный номер не указан; сборник стихотворений "Тарайиб ус-сигар", рукопись переписана в XVIII веке, инвентарный номер не

указан; сборник стихотворений "Бада'е ул-васат, рукопись переписана в XVI веке, инвентарный номер не указан; Навои, "Сборник", единственный экземпляр перевода на персидский, осуществлённый современником поэта Саилом Хамадани, год перевода рукописи не указан; рукопись, переписанная в XVII веке, на 1-44-й страницах дан специально составленный словарь на турецком языке к поэтическим произведениям Навои, на 45-56-й страницах - введение к "Тарайиб ус-сигар", на 56-184-й страницах - один сборник, состоящий исключительно из газелей, инвентарный номер не указан; рукопись под номером Add 7911 - "Сборник", в его начале (отдельном виде) приложено письмо Навои на имя Хусейна Байкара с просьбой освободить его от государственных дел и разрешить паломничество в Мекку, год переписи рукописи не известен; рукопись под номером Add 78 27/Ш - собрание избранных стихотворений, год переписи рукописи не известен; "Мажалис ун-нафаис", инвентарный номер не указан, рукопись переведена на персидский Шах Алибаком в XV веке, название экземпляра подлинника оставлено без изменения.

Судя по сведениям Р.А.Николсона в коллекции Э.Броуна хранятся ещё два рукописных произведения Навои: "Мажалис ун-нафаис", упорядоченное в 937/1530 году; сборник "Тарайиб ус-сигар", упорядоченное на кашгарском языке в 1241/1825-26 годах.

Согласно данным, содержащихся в "Указателе турецких рукописей", немецкого востоковеда Вильгельма Перча в Берлинской Королевской библиотеке хранятся следующие произведения Навои: рукопись под номером 330 - сборник "Навадир ун-нихая", переписана в год смерти поэта; рукопись под номером 332 - поэма "Саба'и сайёр", переписана в 1136/1723 году; рукопись под номером 332 - поэма "Лейли и Межнун" и другие поэмы из "Пятерицы", переписана в 1136/1723 году; рукопись под номером 333 - поэма "Садди Искандари", переписана в 1136/1723 году; рукопись под номером 384 - поэма "Садди Искандари", год переписи не известен. Последние два экземпляра именованы одинаково - "Искандарнаме".

Произведения Навои, хранящиеся в Национальной Библиотеке Парижа в коллекции Ш.Шефера, состоит из нижеследующего: рукопись под номером 1345 - "Дивани Фани", переписана в XVII веке; рукопись под номером 962 - переписана в 973/1565 году. В его составе: "Махбуб ул-кулуб", "Мажалис ун-нафаис", "Хамсат мутахаййирин"; рукопись под номером 985 - "Мажалис ун-нафаис", переписана в XV веке, при жизни поэта; рукопись под номером 965 - "Мажалис ун-нафаис", переписана в

XVII веке; рукопись под номером 970 - "Хамсат ул-мутахакхаййирин", переписана в XVII веке; рукопись под номером 976 - "Хамсат ул-мутахакхаййирин", переписана в 939/1592 году; рукопись под номером 978 - "Сабъаи сайёр". Отдельная книга с повествованием Шайха Санъона, украшена шестью миниатюрами, переписана в XVI веке; рукопись под номером 980 - поэма "Фархад и Ширин", переписана в XVII веке; рукопись под номером 996, поэма "Лисан ут-тайр", украшена шестью миниатюрами, переписана в Бухаре в 960/1559 году; рукопись под номером 999 - поэма "Хайрат ул-абрар", переписана в XVI веке; рукопись под номером 1008 - поэма "Лейли и Межнун", переписана в 889/1484 году; рукопись под номером 997 - "Диван" Навои, переписана в 989/1581 году; рукопись под номером 991 - "Диван" Навои, переписана в XVI веке; рукопись под номером 994 - "Диван" Навои, переписана в XVIII веке; рукопись под номером 1003 - отрывки из разных произведений Навои, дата переписи не известна; рукопись под номером - отрывки из разных произведений поэта, год переписи не известен; "Куллият" Навои, рукопись переписана в 1059/1649 году в Мешкеде, инвентарный номер не указан (в коллекции Белена); "Куллият" Навои, рукопись переписана в 930 (932)/1526 году.

Кроме вышеуказанных, при экспедиции в Англию и Францию профессором Х.Судейманом найдены ещё неизвестные в науке следующие рукописи поэта: "Дивани Фани", составлен самим поэтом; Диван "Бадое ул-бидоя", составлен самим поэтом; "Хамсе", переписано в 1485 году, рукопись, полностью содержащая все пять поэм; "Хамсе" - переписано в Бухаре в 1559 году, рукопись, полностью содержащая все пять поэм; "Избранный Диван", рукопись хранится в личной библиотеке Королевы Англии Елизаветы II в Виндзоре; "Хамсе", рукопись, полностью содержащая все пять поэм, хранится в личной библиотеке Королевы Англии Елизаветы II в Виндзоре, год переписи не указан ("Ешлик", 1991, N1-2, С.9-10).

Очевидно, накопленный весомый фонд рукописей произведений Навои и др. авторов и постоянно растущая потребность обращения исследователей в Западной Европе к ним, несомненно требовали создания соответствующих словарей, которые могли бы облегчить осмысление произведений Навои. Французский востоковед Паве де Куртайл, в совершенстве владеющий турецкими языками, осознавая подобную необходимость, на основе материалов "Хамсе" Навои, "Бабурнаме" Бабура, "Шахараи гарокиме" Абдулгаи Баходирхана создал "Восточно-туркский словарь" (1870).

Труды П. де Куртейла, конечно, не ограничиваются лишь составлением упомянутого словаря. Его статья, опубликованная в "Журнале Азия" (1874, т. 3, с. 47-62), об издании А. Восиком и Беленом поэмы Навои "Махбуб ул-кулуб" послужила дальнейшему обогащению знаний западно-европейского читателя о дидактических учениях поэта.

Во второй половине XIX века в развитии навоиведения в Западной Европе немало сделано и английскими востоковедами. В частности Х.М. Элиот ("История Индии", 1872, т. 4, с. 527-529) и Н. Кин ("Биографии восточных поэтов", 1894, с. 59), создали в это время содержательные и довольно обстоятельные биографические очерки, в которых приведены единые и расположенные в хронологическом порядке данные из различных восточных и западных источников, тем самым они дали своим читателям возможность ознакомиться с более подробными сведениями о Навои (Семенов, 1940, с. 23-27).

Следует отметить, что другой английский ученый С.Г. Оусли в очерке "Эмир Али-Шир" и его "Высокая стена крепости Александра" (Персидские поэты", 1846, с. 50-53) одним из первых в Европе исследовал тематические мотивы "Хамса" Навои на критической основе, опираясь на анализы "Садди Искандари" и труды Джами (Никитский, 1856, с. 74, Семенов, 1940, с. 22).

Широко известный в Европе труд турецкого учёного Саами-Бей Фрашери "Популярный историко-географический словарь" (1894, т. 4, с. 3190-3191), содержащий статьи и четкие сведения о жизненной и творческой деятельности поэта, также послужил тому, что имя Навои становилось в западных регионах известным и почитаемым.

IV раздел (I главы) - "Появление широкомащтабных исследований о Навои в Западноевропейской науке и немецкой литературе" посвящен анализу трудов двух видных учёных Ф.А. Белена и Х. Вамбери.

Франсуа-Альфонс Белен, опираясь на два "Куллията" Навои, труды Хандемира, Шарафиддина Али Яди, Сильвестра де Саси, Барьбе де Майнера, Ш. Шефера, Э. Катремера, опубликовал в 1861 году в журнале "Азия" (т. 17, с. 175-256, 280-357) своё первое исследование "Очерк жизни и творчества Али-Шира-Навои", где были и помещены французские переводы произведений "Мажалис ун-нафаис" и "Хамсат ул-мутахайирин" поэта.

В 1866 году в том же журнале в подборке "Мудрецы Востока"

(т.7, С.523-552, т.8, С.126-154) было опубликовано второе исследование Белена, озаглавленное "Философско-эстетические взгляды и достоинства Мир-Али-Шира Навои". Первые 8 страниц данного исследования посвящены анализу поэмы "Махбуб ул-кулуб". Остальные 50 страниц состоят из её переводов и комментариев.

Если говорить о достоинствах переводов, то они видятся в комментариях, которых свыше 300. Правда, в обоих случаях тексты переводов имеют наукообразную форму. Зная староузбекский язык, Белен смог довести до своего читателя научные ("Махалис ун-нафис") и, интерпретируя с прозой, поэтические ("Хамсат ул-мутахаййирин", "Махбуб ул-кулуб") тонкости текстов Навои (Шарафиддинов, 1973, С.50, Холбеков, 1991, С.13-14, Холбеков, Узбек-француз адабий алокалари тарихидан. В сб.: Адабий мерос, 1987, N 1 (39), С.56-57).

В период работы старшим консулом в Стамбуле (совместно с турецким учёным А.Васиком) Белен создал свой последний труд о Навои, издав в подлиннике его поэмы "Махбуб ул-кулуб" (Константинополь, 1871-1873).

Как указывают его исследователи Е.Э.Вертельс, О.Шарафиддинов, М.Холбеков, А.А.Семёнов, в своих трудах Белен правильно оценил общественное положение Навои в ту эпоху, масштабно осветил насколько он прославился, каким влиянием пользовался, какие прозаические, поэтические, исторические, философско-дидактические, литературоведческие, этико-эстетические произведения создал, как богат их язык и в чём выражается их научно-художественная ценность, подробно остановился на характерных чертах личности поэта и подробно осветил его благотворительную деятельность. Словом, он первым составил в Западной Европе широкомасштабную научную, биографическую биографию поэта, написанную на основе исторических документов персидских и турецких авторов, список рукописей произведений Навои, хранящихся в Национальной библиотеке Парижа, уточнял историю их написания и переписи, начинал спор в науке о литературном стиле Навои.

Просмотр накопленных материалов говорит о том, что после трудов Хаммера и переводов записок Бабура следующим фактором отрицания самобытности Навои становились труды Белена, т.к. его перу принадлежат выводы о том, что "Навои - подражатель и вольный переводчик Низами, Дехлеви и Джами". Основной причиной такого подхода в его трудах, как уточняется в работе, является то, что при изучении Навои в руки Белена попадает один из экземпляров "Махзан ул-асрар" Низами. Однако Белен, будучи неосведомленным о том, что этот узбекс-

кий вариант поэмы является вольным переводом Хайдара Хорезми одноименной поэмы Низами, напрямую называет её автором Навои и полное совпадение этого вольного перевода Хайдара Хорезми как по форме, так и содержанием с поэмой Низами склоняет Белена к мысли и служит доказательством того, будто Навои является подражателем Низами.

К тому же ясно, что переведенный до Белена на западноевропейские (сперва в 1846 Шлехт-Воссердом на немецкий, через него на французский) языки "Бахаристан" Джамии является, как и у Навои, литературным сводом о поэтах, живших и творивших в X-XV вв.

Труды Белена неоднократно подвергались резкой критике многими видными навоиоведами. Тут нужно учитывать и тот факт, что ошибки, допущенные Беленом, явились отправной точкой для многих исследователей и отчасти стали одной из причин развития в мире навоиоведения. Его труды сыграли свою положительную роль хотя бы потому, что они вели В.В.Бартольда, А.Куреллу, Л.Арагона, Я.Экмана, Я.Рыпку и др. к спору с ним, итогом чего явилось "новое открытие великого поэта" в навоиоведении Западной Европы.

Нельзя умалчивать ещё об одном: Белен, в своих исследованиях о Навои не имел прямого умысла к фальсификации, основные издержки его работы были обусловлены в большинстве случаев исторической ограниченностью его знаний и следует всегда помнить о том, что понять смысл и "код" чужой культуры сложно, поскольку группа разных индивидов воспринимает эту "чужую" культуру по-разному.

Поэтому при оценке деятельности Белена в диссертации учтено, что труды его создавались в те времена, когда отсутствовало полное научное описание произведений Навои, не было авторитетных аналитических источников должного уровня, рукописи его произведений не были полностью сосредоточены в каком-либо одном месте и не существовало их массового издания. В силу этого востоковеды действовали в пределах возможности, то есть пользовались тем, чем располагали, опираясь лишь на известные источники, в условиях разрозненности каждый в отдельности и по личной инициативе решая проблемы востоковедения без какого-либо единого крупного центра, объединяющего их.

Кроме того, во времена Белена в западноевропейской науке проблемы соотношения традиционного и оригинального в восточной литературе не были исследованы.

Результаты изучения трудов известного тюрколога Германа Вамбери показывают, что он приступил к изучению Навои в связи с озна-

комлением с рукописями его произведений в Венской Королевской библиотеке в период работы над переводом словаря "Абушка" (1862) на венгерский язык. Таким путем "связей" позволил ему войти в востокведение как лексикографу-наовиведу.

Хронологический анализ собранных диссертантом материалов позволяет говорить о том, что данный перевод Вамбери дал толчок к зарождению в Западной Европе традиций составлений словарей произведений Навои, ибо спустя четыре года после издания Вамбери увидел свет "Тюркско-арабско-персидский словарь" (1866) другого европейского учёного И.Т.Ценкера.

В 1870 году был опубликован "Восточно-тюркский словарь" П.де Куртайла, а в 1902 году тюрколог И.Куно, переработав, издал на немецком языке "Чагатайско-тюрко-османский словарь" узбекского лексикографа Сулеймана Бухари. В этом же году другой немецкий тюрколог М.Хартман обнародовал немецкий переработанный вариант словаря другого узбекского языковеда Мухаммеда Садики "Усси лисани турки" (1897). В 1910 году Е.Д.Росс издал на английском языке словарь Мирзо Мехдишаха "Матбани лугат", который был в 1942 году напечатан Я.Экманом и на немецком языке. В 1956 году увидел свет переработанный К.Х.Менге другой немецкий образец того же немецкого словаря.

Учитывая то, что в них даются в основном пояснения к отрывкам произведений Навои, а примеры из других классиков служат для разъяснения сути и сходства слов, взятых из Навои, Я.Экман ("Чагатайская литература", 1964) особо отмечает, что "их можно назвать словарём языка Навои, то есть просто - "Словарь Навои".

Таким образом, из приведённых в диссертации фактов становится ясно, что в науке Западной Европы развивался традиционный процесс лексикографирования произведений Навои, и эта работа, начало которой заложил Вамбери, имеет к сегодняшнему дню полуторовековую историю.

Вамбери (в отличие от своих предшественников) рассматривал творчество Навои как целостное художественно-эстетическое, нравственно-философское, лингво-историческое явление. В этой связи он в изданной на немецком языке книге "Путешествие по Средней Азии" (1874, с.303) разъясняет, что "Навои - редкостный образец гениальной поэзии. Он оставил 32 самостоятельных произведения, посвящённых поэзии и истории, нравственности и логике".

Ни один из предшественников не мог объективно объяснить в чём суть "Хамсе", то есть ответа Навои путешествующим учителям-создателям произведений этого цикла. В книге "Пособие по чагатайскому

языку" (1867, С.30) он подчёркивает: "мысль о том, что духовные ценности можно создавать лишь на персидском языке - глубоко ошибочна доказательством ему является написание Навои крупного произведения (речь идёт о "Хамсе" - С.У.) на тюркском языке.

Вамбери оценивал творчество Навои как неосуществимую мечту предводителей исламского мира и как продолжение просветительских идей. Чтобы убедить в этом европейцев он приводит некоторые доказательства (Вамбери, 1867, С.30-31, 173-194).

Когда он писал, что такие произведения Навои как "Хамсат ул-мутахаййирин", "Мажалис ун-нафаис", "Фархад и Ширин" заслужили внимание многих его приверженцев, он был глубоко убеждён, что Навои не замыкался в скорлупе лишь своей эпохи.

Изучая генетическую основу поэм "Фархад и Ширин", "Лейли и Межнун" Навои, их художественный уровень, Вамбери сравнил их с уровнем легенд "1000 и одной ночи".

В работах "Кудатку билиг" (1870, С.26-28), "Шайбани наме" (1895, С.18-21) Вамбери затронуты основные факторы совершенствования его художественного творчества, в них обосновываются и научные суждения об упущениях и ошибках в рукописях при переписи произведений Навои (хранящихся в библиотеках Иранского шаха и Академии Прусского Королевства), указываются пути их устранения в дальнейших текстологических работах.

В истории западноевропейского навоиведения Вамбери является также первым учёным, взявшимся за выяснение словесного богатства произведений Навои. В предисловиях произведений: "Два современных поэта Центральной Азии : Муниф и Эмир", "Махтумкули" (1892) на примерах сравнений произведений Навои, Бабура, Абдулгази Баходирхана, он убедительно показал, что в поэзии Навои присутствуют слова персидского, арабского, азербайджанского, туркменского происхождения и пласт слов других тюркских языков.

Он, останавливаясь на вопросах влияния Навои на творчество тюркоязычных поэтов, таких как Бабур, Мухаммед Салих, Хилали, Ахли, Суфи Аллаяр, Машраб, Мискин, Ризаи, Равнак, Фугули, Бедил, Махтумкули, Валлахи, Мунис, Амири и других, особо подчёркивает, что в этом пласте просветительского творчества существуют неабываемые нравственные следы газелей и пятистиший Навои, что творчество Навои как литератора тюркских народов является частью духовной жизни всей Центральной Азии (Вамбери, 1892, С.148-149). В труде "Пособие по чатайскому языку" Вамбери обосновал также вывод о том, что благодаря

художественному влиянию Навои во всей литературе Туркистана утвердился единый тюркский дух и благодаря этому устойчивому духу "в среднеазиатско-тюркском направлении творчества народных поэтов достигло совершенства (Вамбери, 1867, С.31-39).

Вамбери и является одним из первых немецких переводчиков Навои. При сопоставлении его переводов из поэм "Фархад и Ширин", "Махбуб ул-кулуб", также ряда газелей прослеживается, что он в этом процессе не стремился к сохранению размеров и объёмов строк, таких художественных элементов как редиф, рифма и стопа. Он, хотя и в ущерб художественности, избрал путь комментирования значения. В его переводах хотя и сохранены национальный колорит изложения событий и ситуаций, основные черты образов героев в том же виде, что и в оригинале, но в них не хватает полнокровной образности, что характерно для дословного перевода (Вамбери, 1867, С. 173-199).

Осуществлённое в Главе II - "Навоиведение в Западной Европе XX века" - исследование со всей очевидностью показывает, что утверждение западноевропейского навоиведения, как процесса, было далеко не простым и гладким. В этот период уже довольно чётко обозначились два направления, связанные с разными представлениями о сущности творчества Навои. Представители первого направления (Л.Бува, Э.Блоше, Э.Броун, К.Броккельман, В.Айлерс, Э.Фазе, А.Мамдух, П.Хорн, П.А.Басани, А.Бомбачи и другие) под сильным воздействием Белена встали на путь необъективного толкования сути его творчества.

Сторонники второго же направления (М.Хартман, А.Курелла, Т.Менцель, И.Анжелика, Л.Арагон, Я.Экман, Я.Рыпка, В.Хинц, Ф.Таешнер, Й.Немет, К.Кеннеди, Э.Браунбаум, Р.Зипполи, А.Просик и другие), продолжая традиции Вамбери, неуклонно стремились к всестороннему объективному анализу творческого наследия поэта и достигли значительных успехов. Совершенно естественно, что первый раздел данной главы - {"По пути отрицания оригинальности творческого наследия поэта"} - начинается с анализа взглядов западноевропейских учёных первой половины XX века, периода острых дискуссий о самобытности творчества Навои. Первым начал дискуссию в этом направлении, следуя во взглядах за Беленом, французский учёный Л.Бува.

Первый труд Л.Бувы, связанный с творчеством Навои, был опубликован в 1902 году в журнале "Азия" (т.19, С.367-372), где речь шла о новом экземпляре рукописи "Мухакамат ул-лугатайн". Позднее появилось его исследование "Эссе о цивилизации в эпоху тимуридов"

(1926) и "История империи монголов" (1927), где говорилось об авторской индивидуальности Навои. Л.Бува в обоих трудах голословно пишет, что "Махбуб ул-кулуб" Навои является имитацией "Саодатнаме" "Мантик ут-тайир" Фариддадина Аттара, его поэма "Хайрат ул-абрар" же заимствована из персоязычных авторов (Бува, 1926, С. 236-237; 1927, С.205-207 ; Холбеков, 1991, С.14-15).

Английский востоковед Э.Дж.Броун в своей книге "История персидской литературы (1920), написанной на основе материалов 1265-1501гг., бессистемно излагает свои взгляды о творчестве Навои (С.422,423,425,437,439,453,456,457,505,506,508 ; Семёнов,1940,С.31), полностью защищает беспочвенные измышления Белена. Вполне естественно, эти необоснованные утверждения Л.Бувы и Э.Дж.Броуна неоднократно критиковались В.В.Бартольдсом (1928,С.102),Е.Э.Бертельсом (1948,С.82), А.К.Боровковым (Холбеков,1991,С.15), А.А.Семёновым (1940,С.32), Х.Риттером (Ислам,1931,т.19, С.44-45), Я.Рылкой (Ориенталистический литературный журнал, 1940, N 3, С.121-122).

Кроме этого, как единогласно отмечают вышеназванные критики, следуя за Беленом, Л.Бува и Э.Дж.Броун не смогли в достаточной степени оценить политическую деятельность Навои, характеризуя его как человека, далёкого от светской, в том числе и государственной, службы вообще, как суфия, которому безразличны заботы и горечи мирской жизни.

Ещё одним доказательством негативного влияния взглядов Белена на других западноевропейских навоисведов является работа Э.Блоше "Описание восточных рукописей в Национальной библиотеке Парижа" (1926). Кстати, в ней Блоше пишет, что "поэмы Навои не блещут воображением, не светят священным огнём вдохновения божественного искусства,навсегда ограничиваются пассивным подражанием великим поэтам, имена коих были прославлены в "анналах персидской литературы" (Блоше, 1926, С.95; Бертельс, 1948, С.82).

По мнению диссертанта Э.Блоше в процессе описания восточных рукописей Национальной библиотеки Парижа, видимо, столкнулся с тем, что в некоторых случаях названия произведений Навои совпали с названиями творений персидских классиков, что не позволило ему расставить другие акценты. Говоря по словам Е.Э.Бертельса (1948,С.82) "можно предполагать, что трескучей риторикой здесь скрыт тот простой факт, что Блоше вообще никогда не читал Навои и довольствовался изучением одних названий его произведений".

Изучая отношения узбекских учёных к Э.Блоше, диссертант отмечает, что академик В.Захидов, называя его "буржуазным националистом-востоковедом", подчёркивает, что "М.Никитский в своей магистерской диссертации подверг критике расистский взгляд западного "востоковеда" Э.Блоше на Алишера Навои" (Захидов В.Ю. Мир идей и образы Навои, Ташкент, 1961, С.41). Но по сути дела, В.Захидов абсолютно не был знаком ни с диссертацией М.Никитского, ни с трудами Э.Блоше, так как первый труд Э.Блоше, где речь идёт о Навои, появился спустя 44 года после диссертации М.Никитского. Словом, Э.Блоше является одним из востоковедов, которые с любовью и почтением относились к узбекской культуре. Свидетельством тому служит его статья (объёмом 40 страниц) "Надписи на памятниках Самарканда" (1897). Именно он создал в своём труде "Каталог арабских, персидских и тюркских рукописей из восточной коллекции Шарля Шефера" (1900) возможность ознакомиться Западу с 35 вариантами 17 парижских рукописей произведений Навои. К тому же, именно он переводом на французский язык (1901) "Тазкират уш-шуара" Давлетшаха преумножил славу Навои в Западной Европе.

В ряде работ учёных этого периода господствовали лженаучные утверждения об авторской индивидуальности и литературном влиянии Навои на других тюркоязычных поэтов, где без всяких фактических оснований, без сравнительного анализа заявляется, что классики тюркоязычных литератур не самодостаточны, они являются, в лучшем случае, выразителями восточной отсталости. Эта несамодостаточность и отсталость их творчества объясняется тем, что они являются подражателями несамодостаточного Навои (см. работы Э.Фазе и А.Х.Мамдуха "Антология османско-турецкой поэзии", 1909; П.Хорна "Тюркская литература" 1925; А.Бомбачи "История турецкой литературы" 1956; П.А.Басани "История персидской литературы" 1960 и др.).

Острые дискуссии о самобытности творчества Навои, которые начались в первой половине XX-века в Западной Европе в широком масштабе, приобрели во второй половине этого столетия ещё более бурный характер. В качестве примера можно назвать тот факт, что известный арабист и тюрколог К.Броккельман издал в 1952 году труд Навои "На-самм ул-мухаббат мин шамаин ул-футувват" под заголовком "Биографии тюркских мистиков и современников Навои". В предисловии, написанном на немецком языке, он отражает своеобразие творчества поэта и его индивидуально-авторское значение, допускает более серьёзные сшибки, чем его предшественники и современники. Например, "Лисан ут-тайр"

Навои он считает переводом поэмы "Мантик ут-тайр" Аттара, а "Мажа-лис ун-нафаис" его - переводом "Таакират уш-шуаро" Давлетшаха. О "Мухакамат ул-дугатайн" придерживается мнения, что Навои в нём лишь перенёс на свой родной язык существующие в персидском языке правила и порядки. Про "Хамсе" Навои он открыто пишет следующее: "Seine Ham-sa ist eine Nachahmung von Nisamis Werk mit gleichem Titel - его "Хамсе" является подражанием произведению Низами под таким же заглавием". И, наконец, полемизируя о творчестве Навои, он делает следующее обобщение: "Blieb aber in allen Werken Von persischen Vorbildern abhängig - Во всех своих произведениях он оставался в полной зависимости от своих персидских предков". Следует отметить, что при всём этом он напрасно ссылается на знаменитый труд Е.Э.Бертельса "Навои и Аттар". Ведь об этом труде Е.Э.Бертельс (1948, С.81) пишет: "В работе" Навои и Аттар", в которой я показал, что Навои даже и там, где он сознательно хотел быть близким к персидскому оригиналу, всё же давал вполне оригинальное произведение, резко отличающееся по характеру и всему мировоззрению от оригинала".

Подытоживая анализ основных положений труда К.Броккельмана, диссертант отмечает, что он не был в достаточной мере знаком с образцами творчества Аттара, Низами, Джами, Давлетшаха и Навои.

Опираясь на результаты критического анализа переполненной глорой статьи "Али-Шир, Мир: "Мухакамат ул-дугатайн" немецкого арабиста и ирановеда В.Айлерса (Ориенталистический литературный журнал, 1968, № 3-4, С.181-183), диссертант показывает односторонность и необъективность его подходов к анализируемому материалу, где он преподносит Навои как националистического лингвиста, противопоставляющего персидский и турецкий языки. В.Айлерс в анализируемой статье о Навои лишь раскрывает свою шовинистическую сущность. Думается, достаточно будет привести одно из его сравнений, для того, чтобы продемонстрировать склонность В.Айлерса к шовинизму. Он говорит о том, что турецкий язык, который возвеличил Навои - "беспризорное дикое растение, а персидский язык - дерево, растущее в ухоженном саду" (С.182).

Второй раздел (II главы) -

"Новое открытие великого поэта в Западной Европе и немецкое литературоведение" начинается анализом суждений Э.И.Гибба, которые включены в его книгу "История османской поэзии" (т.2, 1902), где содержатся ценные наблюдения о сильном влиянии творчества Навои на традиционные жанры османско-турецкой поэзии XVI-XVII вв. и на произведения турецких поэтов этой эпохи.

Исходя из сути изученных материалов (Семёнов, 1940, С.29 ; Крымский, 1914, С.122-123 ; Алиева, 1984, С.67; Шарафиддинов, 1973, С.48; Захидов, 1961, С.9-10), в исследовании подчёркивается, что до Э.И.Гибба в Западной Европе никто не пытался изучить творчество Навои в рамках философии суфизма, никто не коснулся его суфистических философских взглядов. Однако, академик Захидов, не сумевший отказаться от идеологизированных схем, методологических догм и вульгарно-социологической трактовке вопроса вообще, причисляет Э.И.Гибба к буржуазным националистам, сторонникам пантюркизма и панисламизма за то, что он назвал Навои поэтом суфизма, представителем мистицизма. Думается, что как в трудах Е.Э.Берталяса и многих узбекских навоиведов (А.Хайитметов, Н.Камилов, Е.Исхаков, С.Олимов, М.Хайруллаев), специально изучавшего эту проблему английского философа Дж.Тримменгема, так и Э.Гибб умышленно не выводил Навои из "петли" суфизма, мистицизма и богословия, не придавая его творчеству черты революционной идеологии. Очевидно, В.Захидов вообще не знаком с трудами Э.И.Гибба, ибо ему не был бы безразличен следующий вывод этого "буржуазного националиста, пантюркиста и панисламиста": "Навои является первой грандиозной фигурой, который писал на тюркском языке. Хотя он писал довольно много на персидском языке, но его тюркоязычное наследие имеет высочайшее значение, которое долгое время служило образцом для османских поэтов" (Шарафиддинов, 1973, С.480).

Изучение Навои в первой половине XX века в Западной Европе в определённой степени связано также с именем австрийского учёного М.Хартмана, написавшего около десятка трудов об истории и культуре узбекского народа.

В его книгу ("Чагатайский язык", 1902) включены немецкие переводы газелей и отрывки из двух частей поэмы "Махбуб ул-кулуб" Навои, осуществлённые с источников на арабском языке.

Во время работы над этой книгой в Турции он получил возможность ознакомиться с содержанием рукописей почти всех произведений Навои, хранящихся в библиотеках Стамбула, о чём свидетельствуют его труды "Восточно-тюркские рукописи из коллекции Хартмана" (1902), "Полиграфия в Туркестане" (1904). Из содержания этих трудов Хартмана стало ясным, что в 1903 году он побывал в Ташкенте, Коканде, Андижане, Самарканде, откуда увёз 133 редкостные рукописи, среди которых имеются следующие произведения Навои : "Хамсе" (692 с.), "Хамсе"(544с.) и в конце даны "Сакийнаме", "Таржийбанд", "Махбуб ул-ку-

луб" (в двух экземплярах) (260 с.), "Назм ул-жавахир" (312 с.).

Кроме этого, Хартман привёз в Европу 60 важных литографических изданий, 7 из которых принадлежат Навои : Поэмы Алишера Навои (Ташкент, Брайденбах, Мулла Мухаммед Насих, Домла Али-Мухаммед Ахун Оглы, 1896 (239 с.); Поэмы Алишера Навои (Ташкент, Каменский, Шахмурад Ибн-Мулла Шахнемат Ахун, 1893, 208 с.) ; поэмы Алишера Навои (Лактин, Хаджа Эшан Ибн-Али Хаджа Эшан, 1894, 288 с.) ; поэма Алишера Навои (Стамбул, Махмуд Бей, Бухарский собиратель книг Салиходжа, по хижри 1319, 233 с.) ; Амир Навои (Ильин, Гулям Расулходжа, 1899, 158 с.) ; Поэмы Алишера Навои (Ташкент, Штаб, Мулла Абдуллох Ходжи Оглы, 1900, 167 с.) ; Навои (Ташкент, Мулла Юсуф Ахун, 167 с.). В диссертации даётся подробный анализ трудов Хартмана, касающихся творчества Навои.

В этот период во французском издании "Исламской энциклопедии" (1913-1942) был и анализ отдельных черт творчества Навои в сравнении с творчеством Юсуфа Баласагунского, Ахмеда Яссави, Ахмеда Югнаки и Бабура. Дальнейшее обобщение материалов свидетельствует о том, что немецкий литературовед Т.Менцель в статье "Тюркская литература", опубликованной в серии "Восточные литературы" (1925), анализируя роль Навои в Гератской среде, заключает : "Алишер Навои , впитавший в себя трёхсотлетние достижения Гератской культуры, писавший на чагатайском языке, также прекрасно, как и на персидском, ещё при жизни своими лирическими произведениями стал предметом подражания, идеалом для османско-турецких поэтов. То есть, будучи учеником Джамии и Хафиза, Навои 150 лет постоянно оказывал сильнейшее влияние на османско-турецкую литературу" (С.283). Следует подчеркнуть, что появление на свет знаменитого труда В.В.Бартольда о Навои означало явное отставание западноевропейского навоиведения от русского. Вслед за работой Х.Риттера, опубликованной на основе исследования В.В.Бартольда "Мир-Али-Шир и политическая жизнь", в журнале "Ислам" (1931, т.19), был опубликован ещё один немецкий перевод того же труда В.В.Бартольда, осуществлённый В.Хинцом ("Герат в период правления тимурида Хусейна Байкара", 1933). В 1940 году в журнале "Ориенталистический литературный вестник" (С.119-122) опубликована статья Я.Рыпки, где автор выступил против некорректности отдельных мест данного перевода, которые подробно охарактеризованы в диссертации.

За немецким переводом последовал его английский вариант перевода, помещённый в третьей части труда В.В.Бартольда "Исследования по истории Центральной Азии" (1962), "где был напечатан портрет по-

эта". Отываясь об этом переводе, В.Хинц высоко оценивает его как веромый вклад английских учёных в навоиведении (Ориенталисте литературцайтунг, 1968, N 5-6, С.272).

Следует напомнить, что журнал "Советская литература", издаваемый на немецком языке, порой был также популяризатором Навои. В 1946 году (N 1, С.89-90) в редакционной статье, посвящённой жизни и творчеству Навои, предпринимается попытка наметить творческую позицию поэта, как сторонника просвящённого абсолютизма.

В работе особо отмечено, что в первой половине XX-века на западноевропейских языках появились не только переводы научных и художественных произведений Навои, но и переводы художественных произведений, посвящённых поэту. Например, французский перевод исторического романа "Навои" Айбека (выполненный в 1948 году А.Ораном), безусловно дал возможность французским читателям верно понять личность поэта во многих аспектах.

Начиная с 40-х годов XX-века творчество Навои стало отчётливо осознаваться в Западной Европе как богатое художественно-культурное и научное наследие, образец идеалов социально-нравственного равновесия своей эпохи. Место его в истории мировой литературы стало по праву значиться рядом с бессмертными гениями Запада и Востока Фирдоуси, Низами, Джами, Руставели, Волярдо, Ариосто, Тассо, Петрарки, Хафиза и Саади. Именно в таком аспекте изучалось творчество Навои в труде немецкого академика А.Куреллы "Новое открытие великого поэта", который был издан в 1940 году сразу же на трёх источниках ("Литературная газета", 1940, 10 мая ; "Интернациональная литература", 1940, N 7; "Литература и искусство Узбекистана", 1940, N 6, С.79-85). Это всестороннее освещение наследия Навои стало одним из значительных достижений западного навоиведения. Статья была повторно опубликована в его книге "За что мы боролись?" (1976). Подобное название статьи объясняется тем, что почти все западноевропейские ориенталисты, используя количественную оценку гениев поэзии Востока, данную Гёте, долгое время называли в этом числе семь имён (Фирдоуси, Хафиза, Низами, Саади, Анвари, Руми, Джами), а в связи с пятисотлетним юбилеем Навои А.Курелла решает на новое открытие восьмого светила Востока, поскольку "семь великих светил". Гёте в качестве количественной оценки гениев поэзии Востока не удовлетворила его : "Несомненно, он достоин занять место в ряду этих "семи великих светил." (Курелла, 1976, С.268).

В целом при обширном сравнительном анализе немецкий академик пришёл к следующим выводам : " Некоторые филологи, не изучая поэти-

ческие произведения Навои, считали его "подражателем", "эпигоном" или же просто "переводчиком" персидских предшественников, особенно Низами. Новое открытие этого великого поэта разоблачает лженаучность этих бессмысленных взглядов. Ведь, как нами обнаружено, под именем Навои подразумевается человек, поэт, который намного опередил своих предшественников, прославленных в Западной Европе в качестве "семи великих светил" Востока, грандиозная ренессансная фигура: государственный деятель, философ, литератор, художник, строитель, гений и мастер, учёный и опора правды, словом, зеркало своей эпохи... Он являлся одним из первых поэтов Средней Азии, сумевшим противопоставить ум и интеллект против низменных устоев, его всемирная известность в пределах всех земель, находившихся в распоряжении тюркских народностей, от Кабула и Ферганы до Азербайджана и Крыма и с течением столетий не утрачено" (Курелла, 1976. С.271).

А.Курелла является одним из талантливых западноевропейских переводчиков Навои. Подробное сравнительное изучение опубликованной в 40-х годах в трёх журналах в немецком переводе поэмы "Фархад и Ширин" Навои позволило нам сделать вывод, что данный перевод А.Куреллы представляет собой пример, свидетельствующий о том, что созданная на арузе жемчужина узбекской литературы, в частности произведения Навои, могут быть достойным образом переадаптированы на западные языки. Он появился как закономерный результат большого вкуса, ответственности и мастерства (Internationale Literatur, 1940, N 7; Sowjetliteratur, 1946, N 1; Neues Leben, 1946, N 1).

Дальнейшие поиски диссертанта показывают, что во второй половине XX века образцы поэзии Навои были переведены на французский, испанский, польский, румынский, болгарский языки. Появляются на этих же языках (И.Бечка, Н.Зимова-Горчицова, Л.Грежебечек, Э.Бродская) многие исследования о нем.

"Переводчики великого поэта болгары Стефан Станчев, И.Милаев, поляки В.Слободник и К.Яворский, аргентинец Л.Орсетти, румыны И.Олтеану и В.Мариан, французы П.Лугнет и В.Квиприне, чех Кноблах и другие стремились довести до своих читателей прелесть, мудрость и изящество стихов узбекского поэта." (Каримов Ш. Жажонгашта шеърият. В жн.: Ёшлик, 1988, N 2, С.65).

К этому времени также усилилось внимание к научным произведениям Навои. Р.Девереуко выпустил в 1966 году в Лейдене "Мухокамат ул-лугатайн" Навои на английском и арабском языках. Как доказывают специалисты Р.Девереуко в процессе издания тщательно сопоставлял его с другим английским переводом, который был

опубликован в 1964 году в журнале "Мусульманский мир" доктором Х.Э.Даугласом, снабдил свой перевод с помощью специалистов Дайгласом и Н.Кохеном дополнительными комментариями (Отажанов, 1968, С.63). Издание Р.Деревеукса вызвало в научной среде Западной Европы бурное обсуждение (Ориенталише литературцайтунг, 1968, N 3-4, С.181-182).

Во второй половине XX века в наводнении бывшей ГДР (Х.Юнгер, Д.Шульц, Г.Дудек) усилился особый интерес к творчеству Навои, которое изучалось в общем контексте литературы народов СССР, что наглядно видно из изданных в Лейпциге книг "Литература народов СССР" (1967, 2-е издание, 1968) и "Зарубежные писатели" (1971).

Оценивая труд немецкого историка Р.Роямера, который перевел "Шарафнаме" Адуллаха Марвориди (Баени), писателя Хусейна Байкаро на немецкий язык под названием "Государственные переписки эпохи тимуридов" (1952) диссертантом делаются выводы, что благодаря этому труду представители ученого мира имели возможность уточнить очень многое, касающееся биографии Навои. Приведенные в данной книге исторические документы отражают реальное историческое положение поэта, его позиции в государственных делах, его должность и полномочия, взаимоотношения между поэтом и султаном, исторические события, связанные с его назначением правителем Астрабада, подробности выдвижения его на должность диванбеги, события, связанные с пономничеством поэта в Мекку, отношение различных видных исторических лиц к Навои. В них также имеются сведения о взаимоотношениях Джами и Навои, о произведениях "Мажалис ун-нафис", "Мухакамат ул-лугатайн", о произведениях посвященных по заданию Хусейна Байкаро Навои. Очевидно не зря писал Т.Ганжаи о том, что, переводя "Шарафнаме" Баени, Р.Роемер выполнял для науки Западной Европы очень большую и кропотливую работу (Ориент, 1955, 1-8, С.155).

Выводы диссертанта о статье "Навои" Л.Арагона, опубликованной в его книге "Советская литература" (1955) и в журнале "Шарк Юлдузи" (1987, N 4), объясняются тем, что он в ней дает обоснованную критику старого подхода и исследует "Хамсе" Навои с новых позиций. То есть, опираясь на традиции восточной поэтики он доказывал, что Навои, продолжая и развивая традиции сумел продемонстрировать художественные возможности и тончайшие поэтические нюансировки узбекского языка. Утверждая неперспективность недооценки самобытности Навои в Западной Европе Л.Арагон пишет: "Среди поэтов мира Навои во весь голос читает свои газели. Перед ним склоняют колени великие поэты современности _ чилиец Нерудо, кубинец Гильен, испанец Аль-

берти, филладельфиец Лонгфелло, изгнанный из Родины Назым Хикмет и Неавал. Литературное наследие Навои веками жило и будет жить в сердцах народов." (1987, С.180).

Несомненно, выступление Л.Арагона положительно влияло на верное осмысление поэтических положений Навои во Франции. Так например, в "Большой энциклопедии Ларусс" (1963) и "Литературном словаре" (1968) даётся заключение о Навои, лишённое категорических отрицаний авторской индивидуальности (Холбеков, 1991, С.15-16).

Начало признания литературно-критических взглядов Навои научными кругами западной Европы положила статья немецкого навоиоведа И.Анжелики "Алишер Навои, "Маҷалис ун-нафаис", опубликованная в "Ориенталисте литературцайтунг" (1962, N 11-12, С.617-621). В ней она особое внимание уделяет девяти рукописным экземплярам "Маҷалис ун-нафаис" Навои, обобщает достоинства и недостатки посвящённых этой поэме исследований К.Броккельмана, Х.Риттера, А.С.Левенда, С.Ганиевой и, высоко оценивая литературно-эстетическую значимость взглядов Навои, заключает, что произведение это является достойным источником изучения развития литературно-критической мысли культурной среды эпохи тимуридов (С.621).

Во второй половине XX-века западноевропейское навоиоведение затронуло проблему исследования творческого наследия Навои как единого целого. Особо выделяются в этом отношении труды немецкого литературоведа Я.Экмана "Чагатайская литература" (1964), "Мир Али Шир" (1957), "Образцы чагатайского языка.Отрывки из диванов Навои" (1959). Анализ его исследований "Чагатайская литература" дал возможность диссертанту убедиться в том, что в Западной Европе впервые он исследовал все пять поэм "Хамсе" ("Хайрат ул-абрар", "Фархад и Ширин", "Лайли и Межнун", "Сабъаи сайёр", "Садди Искандари"), вошедшие в "Хазагин ул-маони" четыре дивана ("Тарайиб ус-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Фавайид ул-кибар", "Бада е ул-васат"), поэмы "Махбуб ул-кулуб" и "Лисан ут-тайр", произведения "Чагил хадис", "Вакфия", "Назм ул-жавахир", "Тарихи мулуки Ажам", "Маҷалис ун-нафаис", "Холати Саййид Хасан Ардашер", "Холати Пахлаван Махмуд", "Хамсат ул-мутахаййирин", "Мегаан ул-аваан", "Насаим ул-мухаббат"... "Му-хакамат ул-дугатайн", "Сакийнаме" и касыды Навои. Особый интерес представляет тот факт, что в этом исследовании он критически переосмыслил жизненный и творческий путь поэта плодотворно использовал размышления и выводы, обобщения известных узбекских навоиоведов Айбека, О.Шарафиддинова, А.Хайитметова, В.Захидова, С.Ганиевой, М.Кущ-

жанова, М.Салъе, А.Усманова, Т.Жалолова, Т.Шакира, турецких учёных Фауда Купрюли, Абдулкадыра Инана, Э.Валиди Тогана, Рига Нура, Хасана Али, Ибрахима Кутлука, Исмаила Хажи, М.Азима, Мирза Балы, Р.Уйгуна, А.Хафиз-оглы, туркменских учёных П.Акылжаева, Ш.Батырова, западноевропейских и русских востоковедов Белена, Вамбери, Л.Бузы, В.В.Бартольда, М.Никитского, А.А.Семёнова, А.Дейча, Л.Г.Бать, А.К.Боровкова, П.Г.Скосырва, А.Ю.Якубовского, И.Ю.Крачковского, А.Н.Болдырева, С.Малова, Л.Климовича, И.С.Брагинского, П.Овшаровой, Е.Д.Свидиной. Кроме того, в своём исследовании он непосредственно опирался на рукописи произведений Навои, тогда как многие западные исследователи из-за незнания языка не могли позволить себе подобное, что и явилось причиной многих ошибок и противоречий в оценке творчества поэта. Я.Экман же широко пользовался в своих наблюдениях, кроме рукописных произведений Мирханда, Хандемира, Сом Мирао, Бабура, Давлетшаха, Хусейна Байкаро, Кашифи, ещё и произведениями Навои, изданными на основе латинской графики в 1873, 1876, 1895, 1896, 1897, 1903 гг. в Стамбуле, 1881 в Хиве, в 1907 в Бухаре, в 1884, 1888, 1893, 1896, 1897, 1898, 1901 гг. в Ташкенте, в 1918 в Коканде, 1925 в Ашхабаде, 1926 в Баку, 1928 в Самарканде, с 1940 по 1960 гг. (на основе кириллицы под редакцией Х.Алимжана, Г.Гуляма, Уйгуна, С.Абдуллы, С.Мирзаева, П.Шамсиева, С.Айни, Г.Каримова, И.Султана) и с 1917г. переводами его произведений на русский (А.Н.Кононова, А.Дейча, Л.Пенковского, Н.Ф.Лебедева, С.Липкина, Е.Э.Бертельса) и на персидский (Фахри Хирати, Хакима Шахмухаммеда Каавиний, Али Асахара Хикмата, Туркана Ганжаи) языки, что доказывает научную достоверность его исследований.

Таким образом, закончив свои наблюдения, опираясь на достижения большого навоиведения, Я.Экман подводит итог: "Навои единственный чагатайский поэт, который обращался ко многим литературным жанрам того времени, и во всех жанрах сумел создать великолепные произведения. Он является зачинателем многих направлений науки: первый историк тюркской литературы, учёный, создавший основы восточного стихосложения, первый лингвист, поднявшийся до изучения богатства и художественных возможностей тюркского языка. Выражаясь словами Хусейна Байкаро, "он- тюркоязычный правитель словесного богатства." (Экман, 1964, С.251).

Западные учёные, высоко отзываясь об исследованиях Я.Экмана в области навоиведения, справедливо отмечают, что его труды являются самыми авторитетными. В частности, его немецкий оппонент М.Гетц

подчеркивает : "Из источников, написанных на западноевропейских языках, посвященных изучению жизни и творчеству Навои, следует остановиться в первую очередь на исследовании Я.Экмана, где делается главный акцент на всестороннее изучение проблемы. Весьма оригинальный и редкий материал о Навои содержится в этом труде." (Ориенталистический литературный журнал, 1968, N 11-12, С.578).

Собранный диссертантом материал позволил сделать выводы о том, что процесс исследования в Западной Европе XX века творчества Навои не ограничивался работами филологического или философского направления. В работах искусствоведов этого столетия также встречаются разного рода комментарии, определения и пояснения, касающиеся Навои. В частности, искусствоведы Э.Диц, К.Дием, А.Гронман, Г.Гоэеке, С.Арменаг, А.Томас, Д.Дерс, Е.Поеториус дают высокую оценку деятельности поэта в качестве покровителя наук, культуры, искусства и литературы.

Однако, в отдельных работах, например в статье Г.Гоэеке "Миниатюры из Дивана Мир Алишера Навои" (1962), на примере Дивана "Ашрагат" и основываясь на труды О.Блау, П.Блау, М.Моллера, К.Брокельмана с точки зрения искусствоведения специально изучаются рукописи диванов поэта.

Одной из отличительных черт западноевропейского навоиведения второй половины XX века является то, что к этому времени оно достигло определенных успехов в определении места Навои в истории философии Востока. В этой связи особому анализу в диссертации подвергалась статья английского философа Дж.С.Тримменгема "Стадии суфизма: Кубравия, Яссавия, Накшбандия" ("Фан ва турмуш", 1990, N 2), где ученый анализируя философию суфизма стадийно относит Навои к последователям Накшбанди, отводит ему достойное место среди известных суфистов, которые внесли большой вклад в развитие философского мышления народов Центральной Азии: Абу Якуба Юсуфа ал-Хамадани, Абдуллаха Гиждувани (умер в 1220 г.), Орифа Ривгари (умер в 1259 г.), Махмуда Аншари (умер 1272 г.), Азизана Али ар-Ромтани (умер в 1316 г.), Мухаммеда Баба ас-Саммаси (умер в 1340 г.), Махмуда бин-Мухаммеда Бахаваддина ан-Накшбанди (1318-1399), Насриддина Убайдуллаха ал-Ахрвара бин Мухаммеда аш-Шоши.

Показательно также, что до Дж.С.Тримменгема, как правило, в науке утверждалось, что "Лисан ут-тайр" Навои появилось под влиянием творчества Аттара, а о влиянии на поэта и Кубро через посредство Аттара до него нигде и не доказалось (С. 26-27).

Из проанализированных материалов диссертации следует, что в

последнее время итальянский переводчик Р.Зипполи приступил к переводу поэзии Навои на свой родной язык и сопоставлению при помощи компьютера газели Хафиза и Навои для того, чтобы опровергнуть ложные и необоснованные взгляды о подражательском характере творчества Навои. Он даёт меткую характеристику творчеству Навои в тесной связи с традициями восточной поэзии и подчёркивает: "Навои, воплотив в себе поэзию Востока, смог выразить в ней душевные чувства тюркских народов. Он творец, мечтавший о разностороннем совершенстве человека. В итальянской литературе его можно сравнить с Данте и даже ставить выше его" (Узбекистон сатнати ва адабиёти, 1991, 4 октября).

Поиски диссертанта показали, что сегодня очень содержательны первые результаты навоиведения в Канаде и США, формирующиеся под плодотворным влиянием западноевропейского навоиведения XX века. В заокеанских университетах стали вводиться лекционные курсы по Навои, начали получать своё отражение на страницах антологий, учебных пособий, монографий и журнальных статей исследования, посвящённые жизненной и творческой биографии поэта и изучению его творчества в сравнении с творчеством других тюркоязычных классиков.

Следует отметить, что наиболее проницательные заокеанские учёные, занимающиеся вопросами тюркологии, в конечном итоге всякий раз хорошо осознавали бессмысленность антинаучных оценок по отношению к творчеству Навои отдельных западноевропейских авторитетных специалистов, что наглядно видно из проанализированных в диссертации работ профессора Тарантовского университета Э.Браунбаума ("Османская и чагатайская литература", 1976), профессором Вашингтонского университета И.Сиржаутаса ("Пусть у каждого народа будет свой Навои", 1991) и докторанта Оксфордского университета К.Кеннеди ("Знаете ли Навои?", 1988), профессора Колумбийского университета А.Просика ("Изучение наследия и национальный вопрос в Средней Азии", 1978).

К сожалению, наряду с успехами в изучении Навои в этой части мира, приходилось говорить о диссертации и о серьёзных недостатках трудов профессора Колумбийского университета Э.Олворта ("Литературная политика в Узбекистане", 1964) и другие.

Глава III. Она, разумеется, не случайно называется "Некоторые спорные вопросы западноевропейского навоиведения и их воплощение в немецком навоиведении".

Ибо обобщение обширного материала в предыдущих главах помогло диссертанту уточнить многие детали, внести ясность в ранее спорные вопросы.

Одним из таких спорных вопросов является определение должностного статуса Навои в государственных делах. По данной проблеме в немецком навоиведении существуют различные точки зрения, нет единства мнений в мировом навоиведении.

В частности, все западноевропейские востоковеды (за исключением В.Хинца, Р.Ромера, Я.Экмана) определяют должностной статус Навои в государственных делах как "великого визиря" или "первого министра". На самом же деле, в исторических документах, созданных современниками Навои и касающихся этих проблем, мы сталкиваемся с совершенно другой картиной. Диссертант, тщательно изучив эволюцию становления подобных мнений и опираясь на такие исторические документы, как "Раваат ус-сафо", Мирханда, "Макарим ул-ахлак", Хандемира, "Таакират уш-шуаро" Давлетшаха, "Бабурнаме" Бабура, "Тухфан Соми" Сом Мирзо, "Оташкада" Лутф-Алибека Азара, "Мемуары" Кашифи, "Рисале" Хусейна Байкаро, на труды В.В.Бартольда, Я.Экмана, Ф.Купрюли, В.Хинца, Таржибахши, Э.В.Тогана и на приведённые в книге Р.Ромера 59 исторических документов и высочайших указов, изданных Хусейном Байкаро, пришёл к заключению, что "визирство", устойчиво приводимое в западноевропейском навоиведении при определении его государственной должности или же представление его в качестве "первого министра" Хусейна Байкаро совершенно противоречит исторической правде. Изучение вышеназванных материалов позволило определить, что в государственно-управленческих делах периода Хусейна Байкаро Навои имел высочайшие полномочия диванбеги (одновременно возглавлял и турецкий, и персидский диваны) и великого эмира, имеющего юридические права управлять страной от имени шаха.

Проведенное исследование позволило наметить в интерпритации "Хамсе" Навои два исторически сложившихся непримиримых подхода: первый - попытка объективного анализа и конкретной оценки оригинальности "Хамсе" (Вамбери, А.Курелла, Я.Экман, Я.Рыпка, Л.Арагон и др.); второй - игнорирование художественной оригинальности "Хамсе" (Ф.-А.Белен, Э.Блоше, Л.Бува, Э.Броун, К.Броккельман и др.). Совершенно необъективные взгляды сторонников второго подхода в какой-то мере распространились и в русском навоиведении, например, в двух трудах В.А.Бартольда ("Из прошлого турок", Петроград, 1917, С.10-11, "Мир-Али-Шир и политическая жизнь", С.103).

В большинстве случаев заключения сторонников второго подхода стали догмами и переписывались один за другим. Ведь в фундаментальных трудах видных навоиведов (Е.Э.Бертельс, Н.И.Конрад, А.А.Семёнов, А.А.Стариков, П.Г.Скосярев, Г.Араслы, А.Климович, Б.В.Лунин,

В.Жирмуновский, А.Н.Болдырев, А.Дейч, Э.В.Тоган, Л.Арагон, А.А.Гвахария, Ф.Кязымов, Дж.Эфтихар, Ю.З.Ширвани, Г.Бегдели, И.Орбели, Ж.Нагиева, С.Н.Назрулаева, Айбек, Т.Жалолов, Е.Исхоков, Б.Валиходжаев, А.Каюмов, С.Эркинов, Ш.М.Шукуров, Ш.Шарипов, А.Хайитметов, Б.Муртазаев, А.Рустамов, Х.Расулов, С.Хасанов, М.Маллаев и другие) на основе генетико-типологического и сравнительного анализа выявлены кроме традиционной близости изобразительно-выразительных средств и огромная творческая, национально-оригинальная самобытность "Хамсе" этих трёх великих поэтов. А в немецком востоковедении, например в "Ширин..." (1809), "Искандернаме" (1824), "Хафт пайкар" (1824) Хаммера, "Загадки Турандота" - символические изображения, взятые из "Хафт пайкара" (1824, 1869) Ф.Рюккерта, "История шаха Бахрама и его рабыни" (1867) Х.Бюргеля, "Жизнь и произведения Низами: переводы "Махзан ул-асрара", "Хосров и Ширин", "Лайли и Межнун" (1871) венгерского востоковеда В.Бехера, академическом издании "История иранской литературы" (1959), "Время Фархада" (1931), "Фархад и Ширин" (1933) Х.Дуды, "Хафт пайкар" - романтический эпос Низами Ганджави" (1934) Х.Риттера, "Вечный Восток" (1958), "Лайли и Межнун" (1959) шведского востоковеда Р.Гельпке и других источниках эти проблемы не получили глубокого научно-сравнительного отражения. Всё это показывает, что признание оригинальности "Хамсе" Навои, объективному и научному её толкованию сторонниками второго подхода, как нам кажется, мешало следующее: отсутствие в их работах сравнительно-типологического и генетического анализа произведений цикла "Хамсе"; непонимание ими целей и задач хамсетворчества Навои, изложенных в предсловии и послесловии поэм самим поэтом, также незнание специфики традиций хамсетворчества Востока, которое предполагает обязательное наличие пяти поэм, обязательной схожести тематики и образов поэм, традиционной повторности места происхождения событий, разрешения схожих задач героями, общность философско-эстетических, нравственных проблем, близости названия поэм и схожести истолкования восточно-дидактических проблем в поэмах этого цикла.

Объективное исследование подобных проблем в западноевропейском востоковедении было достигнуто лишь во второй половине XX века. Велика в этом заслуга чешского учёного Я.Рыпки. В книге "История персидско-таджикской литературы" (1970), написанной под его руководством, в связи с анализом творчества Низами скрупулёзно изучаются традиции сложения "Хамсе" и высказываются совершенно объективные, соответствующие реальной действительности мысли о том, что "философско-дидактическая поэма "Махзан ул-асрар" Низами является под-

ражением персидско-таджикскому поэту Санои. Но поэма Низами вышла за границы обычного подражания своими литературно-художественными достоинствами и стала восприниматься как оригинальное и самобытное творение.

Считая "Хамсе" Низами первичным, некоторые исследователи не смогли понять, что появление других "Пятериц" явились итогом строгого следования определённым литературным канонам назире. В итоге, они всех авторов объявили подражателями Низами. Однако, ни Хосров Дехлеви, ни Абдурахман Джами не подвергались столь долгим и частым упрекам как Алишер Навои, который на малораспространённом турецком языке создал в 1482-85 гг. "Хамсе", придерживаясь всех традиций канонов этого жанра и воссоздал в художественной форме все противоречия и сложности своей эпохи.

Изучая вопросы преодоления в Западной Европе отрицательного отношения к "Хамсе" Навои, диссертант особо отмечает, что значительную роль сыграл в этом направлении переведённый на немецкий язык в 1955 году Х.Риттером труд И.И.Крачковского "Ранняя история повести о Межнуне и Лайли в арабской литературе", где особо выделяется мысль, что "среди произведений, посвящённых трагедии любви Лайли и Межнуна, самые выдающиеся и первоначальные образцы написаны в Азербайджане - Низами, в Средней Азии - Навои (С.2).

Немаловажное значение имел также в этом отношении переведённый в 1972 году на венгерский язык известный труд Н.И.Конрада "Средневековое Возрождение и Алишер Навои". Несомненно, читая его, венгерский учёный мир лишний раз убеждается в огромном значении "Хамсе" Навои, созданного в совершенно иных условиях, в эпохе и среде, где главенствовало совершенно иное отношение к турецкому языку.

Ещё одним из спорных вопросов навоиведения Западной Европы является вопрос о литературной принадлежности Навои. Некоторые учёные (А.Куредла, И.Немет, Т.Менцель, Д.Шульц, Г.Дудек, И.Анжелика, Х.Юнгер, Я.Рыпка, К.Кеннеди, Э.Браунбаум, Р.Зипполи, А.Просик и др.) справедливо отмечали, что Навои является классиком узбекской литературы. Но отдельные учёные (Хаммер, де Саси, Белен, О.Шпиес, П.А.Басани, Й.Бенцинг, Л.Бува, Э.Броун, С.Арслан, Т.Шакир, Азимааде, Б.Хайит, Э.Олворт, Я.Экман, Ж.Уиллер и др.) необоснованно считали его представителем персидской, чагатайской, персидско-чагатайской, османско-турецкой и персидско-турецкой литературы.

Несмотря на то, что подобные утверждения подверглись сильной критике тюркологами Западной Европы ещё XIX (Вамбери, "История Бу-

хары и Трансаксонии", 1868, С. 158) и XX веков (И. Немец, *Ориенталистический литературный журнал*, 1962, N 1-2, С. 65), однако, определенный круг исследователей всё ещё не отказался от этого утверждения. Так, Я. Эрман настаивает в своих трудах ("*Чагатайско-туркский язык*", 1959, С. 138-160, "*Чагатайская литература*", 1964) на том, что 1405-1502 гг. считается периодом чисто чагатайской литературы, а Навои является классиком этой же литературы, а также основателем её языка. Выходит, что он не имеет никакого отношения к узбекской литературе и узбекскому языку.

Собственно, в его трудах явно чувствуется влияние исследований живших и творивших в Германии учёных-туркестанцев С. Арслана, Х. Турсуна, Азимааде, особенно доктора философских наук Т. Шакира ("*Алишер Навои и национальная идеология*", 1937; "*Идеология тюркского языка в Туркестане и Алишер Навои*", 1939). Примером этому служат отдельные труды Б. Хайита "*Молодая узбекская литература*" (1962), "*Два представителя современной литературы узбек-турков Туркестана: Чулпан и Кадыр*" (1964), "*Советская восточная политика на примере Туркестана*" (1962) и профессора И. Бенцинга "*Узбекская и ново-уйгурская литература*" (1964).

Словом, лейтмотивом всех положений авторов в перечисленных работах является то, что Навои - "чужеземец" в узбекской литературе и истории своего родного народа.

Поиски диссертанта подтверждают, что в позаимствованной из труда Б. Хайита "*Молодая узбекская литература*" книге американского литературоведа Э. Олворта "*Литературная политика в Узбекистане*" (1964) и преимущественно в отрывках, написанных Ж. Уиллером ("*Вопросы Центральной Азии*", 1966, V. 53, 2, С. 216), И. Бенцингом (*Ориенталистический литературный журнал*, N 7-8, С. 375) к этой книге, Навои выглядит также, как поэт-классик, творчество которого не имеет ничего общего с узбекской литературой из-за "Китайской стены", построенной им между чагатайской и узбекской литературой. А в труде итальянского литературоведа П. А. Басани ("*История персидской литературы*", 1960) Навои представлен как представитель персидской литературы.

В западноевропейском литературоведении 70-х годов XX века появились утверждения, что Навои является классиком османско-турецкой литературы. Одним из авторов подобного утверждения является немецкий литературовед О. Шпиез, автор труда "*Лекции по истории тюркских литератур*" (1974).

Естественно, все перечисленные источники подверглись в диссертации специальному анализу в соответствующем аспекте.

В западноевропейском навоиведении ещё окончательно не решён вопрос о национальной принадлежности этого узбекского поэта. Даже в относительно последних изданиях об этом встречаются весьма спорные суждения. Так, например, в вышеупомянутых трудах Я.Экмана и Р.Роемера утверждается мысль о том, что по национальной принадлежности Навои был уйгуром. В диссертации, определяя причины подобных утверждений, следовало подчеркнуть, что распространению таких версий в Западной Европе через труды Я.Экмана и Р.Роемера способствовала статья З.В.Тогана о Навои, опубликованная в турецком издании "Исламской энциклопедии" (т.1, С.51).

А в 80-х годах XX в. в Западной Европе стали появляться утверждения с ещё одним добавлением, что, принадлежавший как творец иранской культуре, Навои является по национальности уйгуром. Такое мнение якобы обоснованно в подвергнутой критике диссертантом статье "Господство турков" (С.86-93), входящей в книгу "Дехканы, муллы, шахиншахи" (1983) немецкого историка Б.Брентиеса.

Интерпретация персоязычного наследия Навои также является дискуссионной проблемой западноевропейского навоиведения. В этой связи необходимо подчеркнуть, что отдельные учёные, отдавая предпочтение персоязычному наследию поэта, считали его "вечно живущим как на турецком, так и на персидском языках, поэтом" (Хаммер) и ставят его в один ряд с известным на Западе персидским поэтом Хафизом (Р.Зипполи).

Но, не смотря на это, некоторые исследователи, в частности, Х.Риттер без всяких обоснований делит творчество Навои на две противоположные ветви - положительные и отрицательные (Ислам, 1931, С.142-143). По его мнению у Навои два лица: склонный к пессимизму как представитель суфизма - персоязычный Фани, известный в мировой литературе как гуманист - туркоязычный Навои. Поэтому, опираясь на авторитетные труды известных навоиведов (Е.Э.Бертельс, Р.Х.Фаррух, С.Айни, Х.Сулейман, А.Хайитметов, Н.М.Маллаев, В.Ю.Захидов, А.Мирзаев, Ш.Шамухамедов), которые были посвящены персоязычному наследию поэта, на основе сопоставительного анализа произведения, подвергшиеся влиянию Хафиза (Навои "Дивани Фани" и Гёте "Западно-восточный Диван"), диссертантом отвергнуты приведённые выше гипотезы этого немецкого учёного, объяснив их стремление желаемое выдать за действительное.

Близость и дружба между Навои и Хусейном Байкаро служили не личным, а общественным интересам в самом широком смысле. До нас дошли многие исторические документы, подтверждающие сказанное, но

они в науке ещё не использованы в целях освещения этой темы. В связи с чем и навоиведении Западной Европы на проблемы взаимоотношений между Навои и султаном существуют различные точки зрения. Даже ананитные навоиведы критиковали Белена за "крайнюю идеализацию дружбы Султан-Хусейна и Навои" (Бертельс, 1948, С.82).

А другие немецкие ученые (В.Хинц, Х.Риттер, Ф.Таешнер, Д.Шульц, Х.Юнгер, Г.Дудек) наоборот, специально старались "держать Навои вдаль от дворца и шаха", выдумывая противоречия между поэтом и правителем. Для внесения ясности в споры на эту тему в диссертации представлено пространное доказательство - тексты шахских указов, свидетельствующие об их взаимоотношениях.

В западноевропейском навоиведении причины назначения Навои правителем Астрабада также освещены неоднозначно. Некоторые биографы поэта, неправильно излагая восстановленные В.В.Бартольдм факты расхождения между Хусейном Байкаро и Навои, дошли до того, что на суд читателя были предложены такие преувеличения, что "Навои был сослан в Астрабад" (А.Курелла, Х.Юнгер, Д.Шульц, Г.Дудек и другие). Некоторые же связывали это обстоятельство с внутреннеполитическим положением страны, опираясь на то, что созданные Навои сооружения якобы принесли серьёзный ущерб казне (Я.Рыпка, В.Хинц, Ф.Таешнер). Но, ссылаясь на труды З.В.Тогана и Ф.Купрюли, лишь Р.Ромер связал это решение Султан-Хусейна с внешнеполитической обстановкой. В ходе исследования стало известным, что был совершенно прав сторонник последней точки зрения. Потому что назначение Навои правителем Астрабада в высочайшем указе Султан-Байкаро-непосредственного инициатора этого события, комментируется именно с этой точки зрения.

В заключении даны основные положения и выводы, вытекающие из исследованного в диссертации круга проблем. Автор, в частности, подчёркивает, что изучение проблемы "Исследования жизни и творчества Алишера Навои в западноевропейском востоковедении" свидетельствует о том, что богатое научно-художественное наследие этого неповторимого узбекского мыслителя сыграло огромную роль в развитии и совершенствовании культурных связей Западной Европы и Средней Азии. Ибо оно, вызвавшее особый интерес в Западной Европе на протяжении 429 лет, создало почву всевозможным поискам и исканиям, обеспечило формирование своеобразного навоиведения в этой части земного шара ещё в прошлом веке.

Безусловно, всему этому, как правило, способствовали своеобраз-

разно-художественные, многогранно-научные произведения А.Навои, отражающие передовые гуманистические идеи, и их общечеловеческая сила.

Историко-сравнительное и комплексно-системное изложение объективности-необъективности подходов к исследованию жизни и творчества Навои в Западной Европе показывает, что навоиведение на этом континенте мира прошло сложный эволюционный путь. Прошло оно через многочисленные бурные споры, не замыкаясь в рамках отдельных стран и народностей, прежде чем объявило его "Восьмым светилом Востока" (А.Курелла).

Хронологические аспекты исследования подтверждают, что Навои (наряду с Хосровом Дехлеви) стал одним из классиков восточных литератур, произведения которого были впервые переведены на западноевропейские языки. Его поэма (из цикла "Хамсе") "Сазъаи сайер" была переведена на итальянский язык ещё в 1557 году - ровно через 56 лет после смерти автора и первым переводчиком Навои в Западной Европе являлся уроженец из Тебриза (Азербайджан) Христофор Армено. Из сказанного, в частности, следует, что начальным этапом знакомства Западной Европы с творчеством Навои является XVI век.

Остальные ведущие классики восточных литератур (например, Низами, Дехлеви, Джамии, Хафиз, Саади, Фирдоуси и др.) были переведены на западноевропейские языки более 100 лет позже, чем Навои, о чём свидетельствуют изданные в XVII веке книги немецкого путешественника А.Олеалиуса ("Персидский цветник", 1654, "Путешествие в Персию через Москву", 1656) и французского путешественника Ж.Шардена ("Путешествие кавалера Шардена в Персию и другие страны Востока", 1686).

Историческое развитие культурных связей Запада и Востока привело к тому, что первые письменные сведения о поэте в Западной Европе появились в двух статьях ("Навои" и "Али-Шир") энциклопедического издания известного французского востоковеда Бартеlemi Молленвилля де Эбрело "Восточная библиотека" (1697), при написании которых были непосредственно использованы наряду с рукописями других восточных летописцев и рукописи произведений самого Навои, что означает, что первоначальное изучение Навои на Западе началось уже в XVI веке, но носило, разумеется, описательный характер.

Первым произведением Навои, ставшим известным в Западной Европе в рукописном варианте, является его "Диван" избранных стихов, который был представлен в 1625 году в Оксфордский университет. Как нам удалось уточнить в XVII веке в Западной Европе в частных коллекциях и разных библиотеках находились также такие рукописи произведений Навои как "Хагайин ул-маони", содержащий 4 отдельных дивана

("Тарайиб ул-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Бада'е ул-васат", "Фаврид ул-кибар"), четыре поэмы из цикла "Хамсе" ("Фархад и Ширин", "Лайли и Межнун", "Сабъаи сайёр", "Садди Искандари") и "Диван" избранных стихов. Таким образом, можно сказать, что история распространения экземпляров рукописей произведений Навои в Западной Европе началось в первой четверти XVII века. В целом XVI-XIX вв. являются в истории западноевропейского навоиведения периодом сбора рукописей произведений поэта и сбора письменных сводов восточных источников о нём и периодом появления первых изданий его произведений на Западе, собрание и описание рукописей его произведений, изучение литературы о нём, публикации переводов из его творчества на западноевропейских языках, исследования его жизненной и творческой деятельности, составления словарей к его произведениям, использования его трудов в качестве достоверных источников и т.п.

Издание подлинников произведений Навои было осуществлено в Западной Европе лишь в XIX веке. Соответственное место в этом занимал французский востоковед Э.Катремер, который справедливо считается родоначальником среди издателей Навои в Европе. Впервые были изданы в подлиннике научные произведения Навои ("Тарихи мулуки Ажам", "Мухакамат ул-дугатайн").

Напечатанное в 1782 году в Вене (под названием "Тарихи фанан") на турецком языке его произведение "Тарихи мулуки Ажам" ознаменовало появление первого произведения Алишера Навои в Западной Европе в XVIII веке.

Наиболее точная биография Навои на Западе была создана впервые французскими учёными XVIII века. Один из основателей "Школы живых восточных языков" в Париже Сильвестр де Саси, желая устранить недостатки, допущенные де Эрбело, на основании данных персидских летописей Давлетшаха Самарканди бин Алаудавла и Сом Мирзо осветил достаточно для того времени мере жизненную, творческую биографию Навои, традиция которой в первой половине XIX века была продолжена австрийским историком Йозефом фон Риттер-Хаммер-Пургшталем и во второй половине того же столетия французским тюркологом Франсуа-Альфонс Беленом. Однако, все они, оказавшиеся под одинаково сильным влиянием восточных источников XVI века, не смогли дать научно-критическую оценку творчеству поэта. В этой связи уместно будет отметить, что научное изучение биографии Навои в Западной Европе было осуществлено лишь в XX веке немецкими учёными. Наиболее полный свод фактов, связанный с биографией Навои, почерпнутый из первоисточников и из достижений большого навоиведения даны в рабо-

тах Я.Экмана, Х.Риттера, В.Хинца. Успехи западноевропейской науки в этом направлении были непосредственно связаны с достижениями русского навоиведения. Важную роль в этом, разумеется, сыграла переведённая на немецкий и английский языки, работа В.В.Бартольда "Мир-Али-Шир и политическая жизнь".

Наблюдения в востоковедческих и литературоведческих работах западноевропейских учёных доказывают, что научное наследие Навои оказало заметное влияние на развитие ориенталистики в Западной Европе. Начиная с XVIII века его произведения, посвящённые истории, истории суфизма, языкознания, теории и истории литературы ("Мажлис ун-нафаис", "Тарихи мудуки Ажам", "Меган ул-аваан", "Мухаккamat ул-лугатайн", "Насаим ул-мухаббат") использовались в качестве ценных научных источников западноевропейской востоковедческой науки, о чём свидетельствуют подведённые анализы работ учёных-историков, литературоведов и тюркологов (С.де Саси, Хаммер-Пургшталь, А.Ремюза, С.Гор Оусли, А.Л.Давидо, К.Бронкельман, К.Менге, Д.Росс, Т.Денкер, Р.Девереукс, Я.Экман, Э.Броун, Э.Блоше, И.Венцинг, Х.Вамбери, М.Хартман, Ф.А.Велен, Л.Бува, П.де Куртайл, М.Катремер).

В истории западноевропейского навоиведения XIX век является более важной ступенью в изучении и освоении Навои научными кругами, познания его на более научной основе. Так как получившие заметное смысловое развитие литературные контакты между Западом и Востоком в этот период оказали благотворное влияние на развитие в Западной Европе тюркологии, следовательно, А.Ремюза, С.Давидо, А.Давидо, создавшие в XIX веке на Западе сильную школу тюркской филологии, в своих исследованиях, уделив серьёзное внимание исследованию истории тюркского(староузбекского) языка, убедительно доказали, что его литературно-художественное совершенствование тесно связано с творчеством Навои. В этой связи не следует забывать, что западноевропейские исследования XIX века в области навоиведения складывались в основном под влиянием широко развитой тюркской традиции Катремером, Вамбери, П.де Куртайлом, Белемом и др.

В XIX веке большой вклад в дело знакомства массового читателя с Навои в Западной Европе, росту его славы на этом континенте внёс и такой фактор, как перевод бна западноевропейские (английский, немецкий и французский) языки "Баурнаме" - воспоминания Захириддина Мухаммеда Бабура, где преведены самые ценные и обширные данные о жизни и творчестве поэта.

Немаловажная заслуга в этом английских востоковедов, первых переводчиков мемуара Бабура на Западе джона Лейдена, Вильяма Эрски-

на, Р.М.Кальдекота, немецкого востоковеда А.Кайзера, французского востоковеда А.П. де Куртайла.

Благоприятные условия для привлечения внимания востоковедения Западной Европы в XIX веке к творчеству Навои были созданы переведённым на западноевропейские языки сочинением Давлетшаха Самарканди "Таакират уш-шуаро" ("Антология о поэтах" (1435/36 - 1495), где даны правдивые сведения о Навои (С. 368-377).

Также чрезвычайно популярные среди западных исследователей труды восточных летописцев Хасанходжи Нисари ("Музааккири ахбас"), Мирао Хайдара Дуглати ("Тарихи Рашиди"), Сом Мирао ("Ту'хфаи Соми"), Хасанходжи Агимбади ("Аштари ишк"), Джамии ("Бахаристан"), Хусейна Байкаро ("Мажалис ул-ушшок"), Хандемира ("Хуласат ул-ахбар", "Хабиб ус-сияр"), Зайниддина Васифи ("Бадае ул-вакое") и другие способствовали тому, что Алишер навои как поэт, учёный и политический деятель стал известен в Западной Европе.

Оценивая некоторые итоги западноевропейских интерпретаций творческого наследия Навои во второй половине XIX века, следует подчеркнуть и их глубокую противоречивость. Прежде всего бросается в глаза то, что за этот период непрерывно развивались источниковедческая база и библиографическая оснащённость, тематическая разнovidность исследований за счёт новых направлений.

Первым в истории западноевропейского навоиведения французский тюрколог Ф.А.Белен посвятил специальные широкомасштабные работы изучению жизни и творчества поэта. Однако, говоря в них о самодостаточности творчества Навои вообще, об индивидуальном своеобразии его "Хамсе" в частности, он допустил ряд грубых ошибок. Следовательно и на Западе и на Востоке известно, что у истоков ошибочного, необъективно-антинаучного толкования сути творчества Навои стоял, назвавший поэта подражателем Низами, Дехлеви и Джамии, французский учёный Ф.А.Белен.

Но, на самом деле, Ф.А.Белен является продолжителем таких беспочвенных обвинений, вернее он лишь их развивал и распространил шире. А начало некорректной трактовки творчества Навои было положено Хаммер-Пургшталем, который впервые в истории западноевропейского навоиведения обвинил Навои в подражательстве персидскому поэту Арахи. После Хаммера продолжали преподносить западным читателям подобные ложные сведения английские учёные Дж.Лейден, В.Эрскин, считавшие Навои подражателем Фахриддина Аттара и "Хамсе"- его подражанием произведениям хамсетворцев Востока. Обобщённо говоря, труды Ф.А.Белена стали третьим, решающим фактором игнорирования в науке

Западной Европы оригинальности творчества Навои.

Хотя несостоятельность подобных утверждений была доказана ещё в хранящихся в то время в библиотеках Западной Европы вместе с произведениями Навои трудах восточных авторов (XVI века) Мирзо Хайдара Дуглати ("Тарихи Рашиди") и Хасаходжи Нисари ("Музакири ахбаб"), но ничего не знали об этом факте Хаммер, Дж.Лейден, В.Эрскин и Ф.А.Белен.

Для западноевропейского навоиведения второй половины XIX века характерно то, что в нём в изучении Навои сложились два противоречивых направления: объективная и необъективная трактовка самобытности творчества поэта. Особенно явны эти противоречия в исследованиях Ф.А.Белена и Х.Вамбери, которые приобрели соответствующих приемников, подготовили почву к ещё большим противоречиям в развитии навоиведения в XX веке.

В то же время прослеживается тот факт, что те антинаучные концепции, неправильно истолковавшие авторскую индивидуальность поэта, всё чаще сменялись концепциями, признающими художественную оригинальность его творчества. Наиболее характерными исследованиями в этом аспекте являются труды учёных-современников Ф.А.Белена и Х.Вамбери С.Гор Оусли, Х.М.Элиота, Х.Кина и др.

Интерес представителей западноевропейской науки к творчеству Навои, ярко вспыхнувший во второй половине XIX века, был весьма значимой вехой в зарождении многих традиций навоиведения. Учёные-тюркологи, квалифицированные специалисты в частных областях (истории, языка и литературы) сделают очень много для популяризации общечеловеческих идей Навои, его творчества в Западной Европе. Любой тюрколог (историк, языковед и литературовед) этого периода считал необходимым ознакомиться с произведениями Навои. Но для этого нужно было преодолеть некоторые трудности, связанные со знанием языка, что требовало создания словарей к произведениям Навои. Появившийся словарь "Абушка" стал основой возникновения в дальнейшем в Западной Европе новых специальных, традиционных, лексикографических работ, представлявших лексикон Навои (П.де Куртайл, Т.Ценкер, М.Хартман, К.Менге, Д.Росс, Я.Экман).

Научная и художественная зрелость произведений Навои привлекли пристальное внимание ряда учёных и литераторов Западной Европы начиная с XVI века по настоящее время. В связи с чем были изданы подлинники и переводы (на английский, немецкий, испанский, французский, болгарский, чешский, польский, голландский, венгерский языки) ряда произведений Алишера Навои: "Махбуб ул-кулуб", "Сакина-

ме", "Фархад и Ширин", "Насаим ул-мухаббат", "Тарихи мулуки Ажам", "Мухакамат ул-лугатайн", "Сабъаи сайёр", "Маҷалис ун-нафаис", "Хамсат ул-мутахаййирин", и часть газелей. Кстати, издание текстов его произведений (по мнению специалистов) отвечает научным требованиям. А переводы образцов художественного творчества Навои свидетельствуют о том, что созданные на аруае жемчужины узбекской литературы могут быть достойным образцом и переложены на западноевропейские языки. Изучение истории переводов произведений Навои на западноевропейские языки показало, что хотя первым переводчиком его на Западе является Христофор Армано, но (по словам Бертельса) " имени Навои переводчик не назвал. Читатели не знали с кем из восточных авторов они имеют дело". Однако имя Навои было указано лишь в переводах второй половины XX века. Эта работа в Европе началась с переводов на немецкий и французский языки таких произведений Навои, как " Маҷалис ун-нафаис", "Хамсат ул-мутахаййирин", "Махбуб ул-кулуб", "Фархад и Ширин" и ряд газелей Ф.А.Белена и Х.Вамбери.

Интерес к творчеству Навои приобретает более целенаправленный научный характер в Западной Европы в XX веке. Видные учёные этого времени (Э.И.Гибб, Э.Браунбаум, Т.Менцель), продолжая традиции Вамбери, на примерах конкретных анализов пришли к выводам, что творчество Навои веками оказывало положительное влияние на всю тюркоязычную литературу Центральной Азии и особенно на османско-турецкую литературу, считая, что подобное влияние может оказывать только обладатель богатого духовного наследия, создавший высокочеловеческие, высокоидейные, эτικο-эстетические ценности.

Особенно XX век, когда произошло "новое открытие великого поэта", стал для западной науки временем переоценок и открытий неповторимости и своеобразия творчества Навои.

Большую роль в этом отношении сыграли труды неординарных и одарённых немецких исследователей А.Куреллы и Я.Экмана. В Западной Европе они первыми начали системное научное изучение творчества Алишера Навои, как явления многоохватного. Впервые в истории литературоведческой науки Западной Европы эти учёные подвергли специальному исследованию обширный материал: все пять поэм "Хамсе" ("Хайрат ул-абрар", "Фархад и Ширин", "Лайли и Мажнун", "Сабъаи сайёр", "Садди Искандари"), все четыре дивана "Хагайин ул-маони" ("Тарайиб-ус-сигар", "Навадир уш-шабаб", "Бада'е ул-васат", "Фавайид ул-кибар") и другие произведения, такие как "Махбуб ул-кулуб", "Лисан ут-тайр", "Чигил-хадис", "Вахфия", "Наам ул-шавахир", "Тариха мулуки Ажам", "Маҷалис ун-нафаис", "Холати Саййид Хасан Ардашар",

Холати Пахлаван Махмуд", "Хамсат ул-мутухаййирин", "Меаан ул-ав-аан", "Насаим ул-мухаббат", "Мухакамат ул-дугатайн", "Сакинаме", "Таржибанд", также касиды Навои.

Именно западноевропейскими навоиоведами XX века было определено, что Навои как представитель суфизма занимает важное место в истории философии Востока и его пронаведения являются законными плодами идей течения Кубравия и учений Накшбандия (Э.Гибб, Дж.Тримменгем).

Наряду с этим, в XX веке особенно явно стало видно, что из-за исторической ограниченности и вопреки шаблонным характерам своих знаний некоторые ориенталисты на протяжении многих лет придерживались не соответствующих реальной действительности суждений о творчестве поэта.

И важно учитывать ещё то обстоятельство, что в исследованиях этого времени учёных бывшего ГДР чувствовались яркие следы идеологизированных схем и методологических установок. Существенным недостатком трудов учёных этого региона является модернизация исторического образа поэта. Все они (особенно, А.Курелла, Д.Шульц), не считаясь с исторической обстановкой, придавали Навои черты атеистического мировоззрения.

Обобщение обширного материала показало, что всё ещё многие вопросы, связанные с жизнью и творчеством Навои, остаются в западноевропейском навоиоведении спорными. В частности, по вопросам должностного статуса Навои в государственных делах, художественной оригинальности "Хамсе", литературной и национальной принадлежности поэта, интерпретация его персоязычного творчества, взаимоотношения Султана Байкара и Навои, назначение Навои правителем Астрабада, его политической деятельности и материального положения, в западноевропейской науке существуют различные точки зрения, нет единства мнений.

Всё более неуместным начинают выглядеть стремления отдельных учёных этого столетия (Э.Блоше, Л.Бува, Э.Дж.Броун) доказать подражательский характер творчества Навои и его националистские идеи (В.Айлерс). Но мало сказать, что западноевропейское такое восприятие творчества Навои нашего столетия является приемственным, важно подчеркнуть при этом, что оно в значительной мере опосредовано эпитонством, предубеждениями и различного рода ложными стереотипами (К.Броккельман, Б.Хайит, Т.Шакир, О.Шпиес, Э.Олворт, А.Басани, А.Бомбачи и др.), которые ещё более искажали творческий и национально-литературный облик Навои в научном сознании западноевропей-

цев.

Разумеется, нельзя не признать, что отношение к творческому наследию Навои в западноевропейской науке XX века было более двойственным, чем в XIX веке.

Из изученных источников наглядно видно, что с одной стороны отношение определённых кругов востоковедов Западной Европы к Навои, которого можно поставить в один ряд с великими классиками мировой литературы, было весьма прохладным и традиционно высказывалось в его адрес немало несправедливых упреков. С другой стороны, конечно, по мере углублённого изучения наследия Навои, проникновения в мир его поэзии, отдельные западноевропейские учёные приходят к убеждению, что он в свою очередь - самобытный, великий мастер восточной поэзии.

Отрицание самобытности творчества Навои Ф.А.Беленом, Э.Блоше, Э.Броуном, Е.Гиббом, К.Броккедьманом и др., как нам кажется, в основном связано с недопониманием традиций сложения "Хамсе" на Востоке, которая предполагает обязательное наличие пяти поэм; обязательной схожести тематики и образов поэм "Пятериц"; традиционной повторности места происхождения событий в поэмах цикла "Хамсе"; разрешения схожих задач героями этих поэм; общности и схожести их философско-этических, нравственных проблем; близости и схожести названия этого цикла; схожести истолкования восточно-философских и дидактических проблем в них; наличия предшественников Навои в традиции "Хамсе"; обязательности сравнительно-типологического изучения "Пятерицы" Навои с произведениями этого цикла других восточных классиков; обязательности тщательного изучения введения к "Хамсе", где каждым поэтом излагаются цели и задачи конкретного поэтического творения этого цикла.

К тому же, как доказано в типологических исследованиях, со стороны моделей и видов метра "Пятерицы" Низами, Дехлеви, Навои имеют одинаковый характер и состав. Также "общей закономерностью для всех трёх "Пятериц" является традиционное использование определённых художественных приёмов, сохранение некоторых наиболее важных деталей образов. Кроме идейной общности (гуманизм, интернационализм, торжество добра и т.п.), многие поэмы этого цикла объединяют литературно-традиционная преемственность, жанровое единство и эстетические принципы их авторов", что, возможно, ввело отдельных западноевропейских исследователей Навои в заблуждение.

Споры вокруг "Пятерицы" Навои показывают, что к пониманию особенностей традиций сложения "Хамсе" учёные Западной Европы пришли

много позднее, чем в России.

Тем не менее, научное сообщество Западной Европы XX века, не смотря на отдельные недостатки и упущения, позаимствовав многое из достижений русских востоковедов (В.В.Бартольд, Е.Э.Бертельс, А.А.Семенов, М.Никитский, А.Дейч, Л.Г.Бать, А.К.Боровков, П.Г.Скосьев, А.Ю.Якубовский, И.Ю.Крачковский, А.Н.Болдырев, С.Малов, Л.Климович, И.С.Брагинский, П.Овшарова, Е.Д.Свидина), в основном пришло к выводу, что поэмы "Хамсе" Навои построены на основе большой человеческой любви и основной заслугой Навои в идейно-художественном плане является постановка общечеловеческих проблем в нём. Хотя и его предшественники (Нигами, Дехлеви, Джами) возвеличивали в произведениях подобного типа человеческий разум, воспевали гуманистические идеалы, поднимали проблемы морально-эстетического характера, но по сравнению с ними, западноевропейской наукой XX века отмечена большая реалистичность эпизодов поэм "Хамсе" Навои.

Словом, представители учёного мира Западной Европы XX века (Я.Экман, А.Курелла, А.Арагон, Я.Рыпка) признали, что в числе великих гигантов мировой литературы и Алишер Навои был вправе использовать любой сюжет для художественного воплощения своих философско-эстетических, морально-этических, социальных взглядов и придя к правильной и объективной оценке традиций сложения "Хамсе" на Востоке, места узбекского поэта в ней, его литературных позиций, восточной традиции назире (т.е. ответа в стихах), её отражения в его творчестве, привлекли внимание учёных-востоковедов к тому, что великий поэт Алишер Навои на малораспространённом (в то время) тюркском языке создал оригинальное "Хамсе", придерживаясь всех традиций и канонов этого жанра поэтического творчества. "Он в нём в художественной форме воссоздал все противоречия и сложности своей эпохи" (Я.Рыпка).

Несомненно, что в преодолении в Западной Европе отрицательного отношения к "Хамсе" Навои большую роль сыграли и научные переводы исследований русских востоковедов. По этому поводу особо нужно отметить значение переведённых на немецкий и венгерские языки трудов И.Ю.Крачковского "Ранняя история повести о Межнуне и Лайле в арабской литературе", Н.И.Конрада "Средневосточное Возрождение и Алишер Навои", где на основе конкретных и убедительных анализов поэмы "Хамсе" были определены место и значение этого узбекского поэта в истории мировой литературы в одном ряду с блистательными представителями Востока и Запада - Фирдоуси, Нигами, Джами, Дехлеви, Руставели, Хофизом, Саади, Петраркой, Боярдо, Ариосто, Тассо и др.

К сегодняшнему дню наивысшему поросло в мировую, интернациональную науку. Исследования ведутся уже на многих языках. На современном этапе выдвинулись американские, канадские, аргентинские ученые, занимающиеся изучением творчества Навои (Э.Олворт, И.Спржаутас, А.Просак, Ж.Уиллер, К.Кеннеди, Э.Браунбаум). В росте научного уровня навоведения в подобном масштабе огромна заслуга русских востоковедов и литературоведов, ученых тюркоязычных и персоязычных стран и, конечно, западноевропейских исследователей.

Но из исследования автора очевидно, что в целом история и современное состояние западноевропейского навоведения в той или иной степени связаны с работами ученых и литераторов таких, как Х.Армано, Б.М.де Эрбело, А.Маестрихт, С.де Сася, И.Хаммер, А.Кайзер, А.Крафт, Г.Флогель, В.Перч, А.Мюллер, М.Хартман, Т.Бенфэй, О.Блау, Ф.А.Белан, Х.Вамбери, И.Анжелика, Х.Лудек, Д.Шульц, Х.Юнгер, П.Хорн, К.Менге, К.Броккельман, О.Шниес, Я.Экман, И.Бенцинг, Р.Роемер, Б.Брентисес, В.Айлерс, Т.Менцель, Х.Риттер, В.Хинц, М.Панкте, Ш.Гамман, Больте, Франкель, Ф.Таешнер, Ж.Лвидон, В.Эрскин, А.Л.Давидо, С.Давидо, Р.М. Кальдекот, С.Г.Оусли, Ч.Рье, Э.И.Гибб, Д.Росс, И.Аветаряниан, А.Оран, Х.Э.Даутлас, Н.Кохен, Х.Стори, Ж.С.Триментем, Х.М.Элиот, Э.Броун, А.Ремпзо, П.Д.Куртайл, Э.Блоше, Л.Бува, Э.Катремер, Л.Арагон, А.Курелла, Б.И.Бенка, Н.Зимова-Горчипова, Е.Кноблех, П.Грежебичек, Я.Рыпка, Х.Дуда, Э.Бродская, И.Немет, С.Станчев, И.Малаев, В.Слабодник, К.Яворский, И.Олтеану, В.Мариан, Р.Зипполи, А.Бомбачи, А.Басани, Э.Фазе, Д.Деверекую, Т.Ценкер, Мамдух, Сами-Бей, Фрашери, Б.Хайит, Т.Шакир, Т.Ганжам и др..

Думается, проведенное диссертантом исследование ни в коей мере не является исчерпывающим, и, естественно, в будущем можно ожидать выявления новых фактов и материалов по исследованию Навои западноевропейскими учеными, т.к. оно столь обширно и широко ими начато. При этом нужно отметить, что взаимовлияние и взаимосвязь культур Средней Азии и Западной Европы протекает, конечно, не в вакууме. Они вписаны в более широкие рамки международного, культурного взаимодействия. К тому же, восприятие Навои в Западной Европе в длительный (XV-XIX вв.) исторический период осуществлялось путем перевода его сочинений, издания, сбора описания и лексикографирования рукописей его произведений, преподавания его творчества в вузах и Восточных семинариях (Х.Вамбери, М.Хартман), путем использования его научного наследия в качестве достоверных источников и, наконец, исследования его жизненной и творческой биографии.

Основное содержание диссертации изложено в
следующих публикациях :

Монография :

1. Инкордан и корогача (От отрицания до признания). Ургенч, "Хоразм" тахририят нашр бўлими, 1995, Тираж: 1000, 8 п.л..

Статьи :

2. Немис адабиётида Бабур ва Алишер Навоӣ илоҳи (Творчество Бабур и Алишера Навои в немецкой литературе). В журн.: Адабий мерос , 1984, 2(30), 7 п.л..
 3. Минтақалар оша додруғ таратиб (Известен по западным континентам) В журн.: Ҷан ва турмуш, 1985, № 2, 0,3 п.л..
 4. Меросимизнинг немисча таржимаси (Немецкий перевод нашего наследия). В журн.: Адабий мерос, 1986, 1(35), 1 п.л..
 5. Исторические корни фальсификации тюркоязычных литератур Средней Азии на Западе. В сб.: Взаимовлияние и преемственность литератур. Изд-во: Ташкентский Орден Дружбы народов ИПИ, Ташкент, 1988 0,5 п.л..
 6. Шарҳуносликка даҳлдор "дарвеш", (Хартман ва Навоӣ), (Дарвиш , имеющий отношение к востоковедению (Хартман и Навои). В журн. : Ҷан ва турмуш, 1988, № 3, 04 п.л..
 7. Муштараклик. Асрлар оша Ҳофиз - Навоӣ - Гёте мушоираси /Созвучие творчества Хафиза, Навои и Гёте). В журн.: Гулистон, 1989 , № 2, 0,8 п.л..
 8. Навоӣ хусусида академик Альфред Курелла фикрлари (Академик Альфред Курелла о Навои). В журн.: Гулистон, 1990, 0,7 п.л..
 9. Лох бўлиб қолди, деб келтирманг имон (О спорных вопросах мира идей Навои). В журн.: Ёшлик, 1990, № 2, 0,8 п.л..
 10. Западная критика о значении литературного наследия Алишера Навои В сб.: Международные отношения и литературные связи". Научные труды ТПИ им. Низами. Ташкент, 1991, 0,4 п.л..
- II. Алишер Навоӣ вазири ё улуг дидар? (Вазирь или великий Эмир? Западные навоиведы о государственном должностном статусе Навои) .

В журн.: Ўзбек тили ва адабиёти, 1993, № 3, 08 п.л..

2. Алишер Навоий ва Хусайн Байқаро муносабатлари (О взаимоотношениях Алишера Навои и Хусейна Байқаро. На примерах исследований навоисведов Запада и Востока). В журн.: Ўзбек тили ва адабиёти, 1994, № 3, 0,6 п.л..

Тезисы докладов и материалы конференции :

3. Хорижий Ғарб дугатчилигида Алишер Навоий сўзлиги (Словник произведений Алишера Навои в западноевропейской лексикографии). Художественный перевод и международные связи узбекской литературы: Материалы республиканской конференции (24-25 апреля 1992г.), Самарканд, 1992.
4. Вывявление литературных связей восточной и немецкой литературы. Материалы традиционной научно-теоретической конференции преподавателей Хорезмского государственного педагогического института им.В.И.Ленина, посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Ургенч, 1987.
5. XIX аср Ғарбий Европа шарқшунослиги ва Алишер Навоий (Западно-европейское востоковедение XIX века и Алишер Навои) Тез. докладов научной конференции УрГУ, посвященной 50-летию победы над фашизмом. Ургенч, 1995.
6. Навоий Ғарб шарқшунослигида тасаввуф вакили сифатида (Навои в западном востоковедении как представитель суфизма) Тез. докладов научной конференции, посвященной 50-летию победы над фашизмом. Ургенч, 1995.

На опубликованные работы автора имеются

следующие рецензии :

1. Фомина Е., Салаев К. Экант, читают, любят (Хорезмские ученые о творчестве Алишера Навои). В газ.: Хорезмская правда, 4 февраля 1995 года.

2. Жуманиёзов Х. Инкордан икроргача (От отрицания до признания).
В газ.: Шонли меҳнат, 31 марта 1995 года.
3. Абдулҳакимов М. Саккизинчи мўъжиза моҳияти (Суть восьмого чуда). В газ.: Аму тонги, 14 апреля 1995 года (Республика Кара - калшакистан).
4. Абдулҳакимов М. Саккизинчи мўъжиза моҳияти (Суть восьмого чуда). В газ.: Хоарзм ҳақиқати, 19 апреля 1995 года).
5. Рузимбаев С., Ёкубов И., Йўлдошев Р. Инкордан икроргача (От отрицания до признания). В газ.: Дўстлик байроғи, 17 июня 1995 года (Республика Туркменистан).